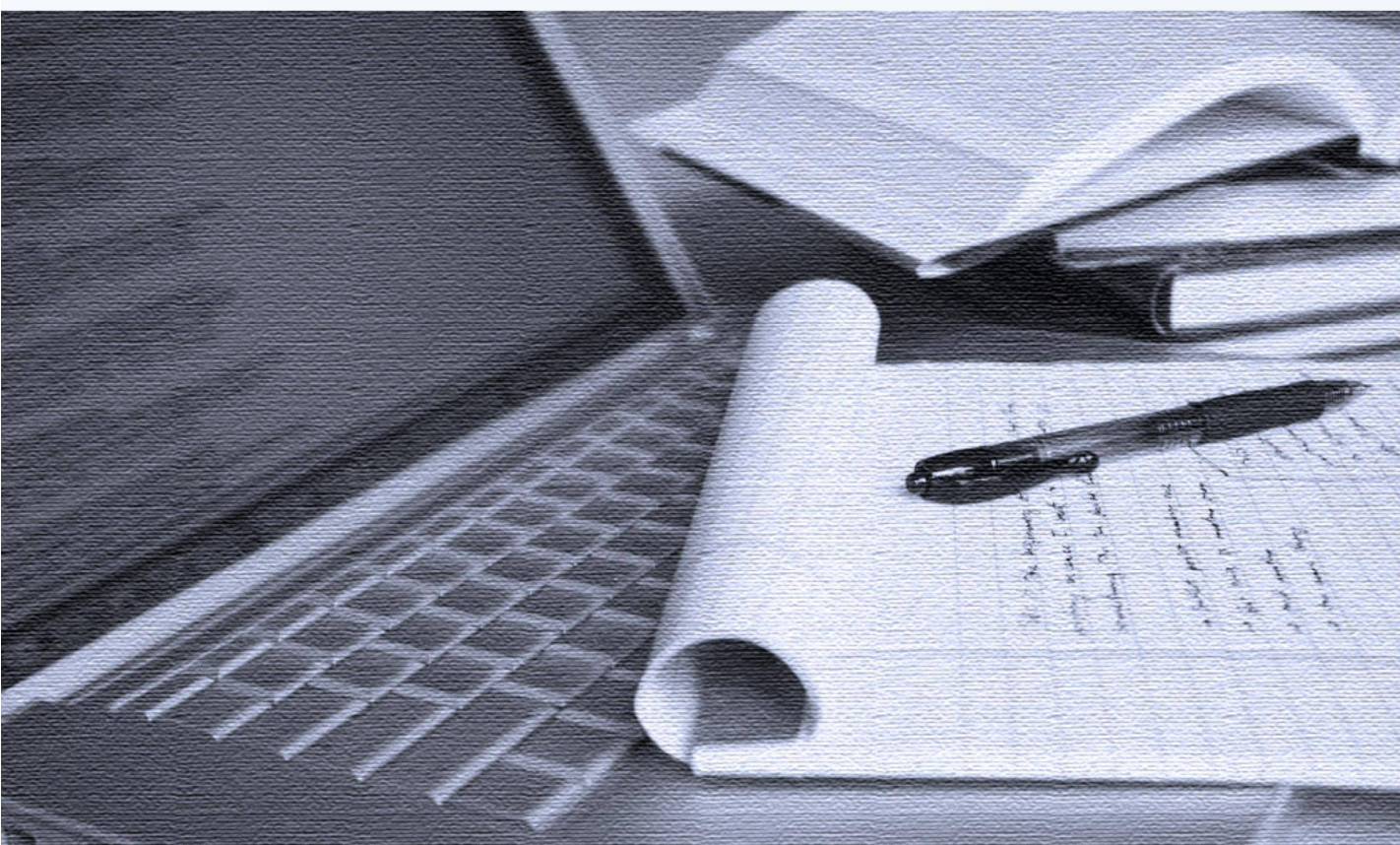

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ISSN 2500-1795

№1 / 2017

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 1

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Карпов А.К., Ротова Л.Н. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ» В ГРАММАТИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	3
Бельков А.Е., Култышева О.М. БЕССОННИЦА КАК МУЗА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «БЕССОННИЦА»)	17
Вялкова К.С., Коростелева Л.В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМЕ ОПЕРАТОРОВ СОТОВОЙ СВЯЗИ МТС И TELE2	20
Култышева О.М. В. МАЯКОВСКИЙ И Н. АСЕЕВ. «УЧИТЕЛЬ» И «УЧЕНИК» ИЛИ ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ? ..	25
Никишина С.А. СЛОВА С ПРИСТАВКОЙ ANTI- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	34
Себелева А.В., Рымарева Е.Н. МИФОЛОГЕМА БОГИНИ-МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ОБСКИХ УГРОВ	37
Шинкевич (Катренко) О.Н. ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РАННИХ ПОВЕСТЯХ А. И. КУПРИНА	42

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Бердникова И.В., Гущина Т.А. ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА» (2011)	45
Бердникова И.В., Мокина М.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СПОСОБ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. КАННИНГЕМА «НАЧИНАЕТСЯ НОЧЬ», 2010)	49
Павлова Е.А. РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ.....	53
Щербина С.И. ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ	61

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, доцент *О.М. Култышева* (главный редактор);
доктор филологических наук, доцент *Э.М. Рянская*;
кандидат филологических наук, профессор *А.К. Карпов*;
кандидат педагогических наук, доцент *Л.И. Колесник*;
кандидат филологических наук, доцент *С.А. Никишина*;
кандидат филологических наук, доцент *А.В. Себелева*;
кандидат филологических наук, доцент *М.А. Степанова*

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 23.06.2017
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 8,5.
Заказ 1858

Отпечатано в Издательстве НВГУ
Россия, 628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

ISSN 2500-1795

© Нижневартовский государственный университет, 2016

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

А.К. Карпов¹, Л.Н. Ротова²

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ» В ГРАММАТИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Аннотация. На материале наиболее авторитетных изданий грамматик русского языка второй половины XIX века делается попытка ответить на вопрос, сформировано ли в современной лингвистике единое общепринятое определение имени прилагательного как часть речи. Анализ источников показал, что такого определения так и не было создано. За редким исключением учёным не удалось скоррелировать определение понятий «Части речи» и «Имя прилагательное». Определение имени прилагательного как части речи ориентируется только на группу качественных прилагательных.

Отмечается, что традиционные грамматики впитали в себя те несомненные достижения, которым лингвистическая наука обязана формальным грамматикам второй половины прошлого века. Соединение обеих грамматик особенно хорошо заметно в школьной грамматике, и свидетельством такого плодотворного взаимодействия является, в частности, современное определение имени прилагательного в школьном учебнике русского языка.

Ключевые слова: «ядро» имени прилагательного; слова-гибриды; часть речи; содержание понятия «Имя прилагательное»; объём понятия «Имя прилагательное».

Сведения об авторах: Карпов Анатолий Карпович¹, кандидат филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета, действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), Международной педагогической академии (МПА); Ротова Людмила Николаевна², кандидат филологических наук.

Контактная информация: ¹628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, каб. 320; тел.: 44-44-74; e-mail: ak.karpov@hmao.er.ru¹; e-mail: fisenko41@yandex.ru².

А.К. Karpov¹, L.N. Rotova²

DEFINITIONS OF THE CONCEPT «ADJECTIVE» IN THE GRAMMAR OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The material of the most authoritative editions of grammars of the Russian language of the second half of the nineteenth century makes an attempt to answer the question whether a common generally accepted definition of the name of the adjective as part of speech is formed in modern linguistics. An analysis of the sources showed that such a definition was not created. With rare exceptions, scientists have not been able to correlate the definition of the concepts «Parts of speech» and «Adjective». The definition of the name of the adjective as part of speech is guided only by a group of qualitative adjectives.

It is noted that traditional grammars absorbed the undeniable achievements that linguistic science owes to the formal grammars of the second half of the last century. The combination of both grammars is particularly noticeable in school grammar, and the evidence of such a fruitful interaction is, in particular, the modern definition of the name of the adjective in the school textbook of the Russian language.

Key words: «core» of the adjective; Word-hybrids; Part of speech; The content of the concept «Adjective»; The scope of the concept «Adjective».

About the authors: Karpov Anatoly Karpovich¹, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University, member of Russian Academy of Natural Sciences (RANS), the International Pedagogical Academy (IPA); Rotova Lyudmila Nikolaevna², Candidate of Philological Sciences.

Приступая к исследованию, мы ставили своей главной задачей получение ответа на следующий вопрос: удалось ли в рамках академических грамматик, разрабатываемых во второй половине прошлого века, сформулировать единое общепринятое определение имени прилагательного как части речи? Для достижения поставленной общей задачи нужно было найти ответы на следующие частные вопросы: 1) какие характеристики слова учитываются при его отнесении к той или иной части речи, и все ли они равноправны; 2) коррелируют ли определения понятий «Части речи» и «Имя прилагательное» в плане выделения наиболее существенных характеристик частей речи; 3) соответствует ли содержание понятия «Имя прилагательное», представленное в существующих определениях, его объему?

Источниками материала были избраны наиболее авторитетные (академические) издания грамматик русского языка:

1. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. 1945. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР (Далее – **ОГРЛЯ 1945**);

2. Виноградов В.В. 1972. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. Москва: Высшая школа (Далее – **В.В.В. 1947**);

3. Грамматика русского языка. 1960. Т. 1-2. Москва (Далее – **ГРЯ 1960**);

4. Грамматика современного русского литературного языка. 1970. Москва: Наука (Далее – **ГСРЛЯ 1970**);

5. Русская грамматика. 1980 Т. 1. Москва: Наука (Далее – **РГ 1980**);

6. Краткая русская грамматика. 1989. В: Шведова Н.Ю., Лопатина В.В. (ред.). 1989. Москва: Русский язык (Далее – **КРГ 1989**).

Гипотеза исследования состоит в следующем. Все аспекты слова, существенные для его характеристики как части речи, проявляются только тогда, когда семантический аспект гармонично сочетается с морфологическим, синтаксическим и словообразовательным, при этом все они равноправны. Такое наблюдается, в частности, у полных непроизводных качественных прилагательных, которые не случайно составляют так называемое «ядро» этой части речи. Полное качественное прилагательное состоит из основы, выражающей идею признака, и окончания, материализующего идею признака на морфологическом уровне. Как только происходит рассогласование морфем, возникают слова-гибриды: основа слова выражает либо обобщенное значение «предмет», либо «действие», либо «число», либо «местоимение», а окончание остается как у прилагательного. Именно такие слова составляют большую часть имен прилагательных, образуя многослойную периферию данной части речи, отдельные слова которой характеризуются разной степенью приближенности или удаленности от «ядра». У слов-гибридов свои морфологические и синтаксические характеристики, хотя многие из них испытывают сильнейшее влияние «ядра», заимствуя не свойственные им признаки, однако в ряде случаев вопрос о целесообразности отнесения некоторых групп таких слов к прилагательным стоит очень остро и решается по-разному.

Вопрос о классификации частей речи имеет давнюю историю. В 1880 году вышла книга немецкого ученого Германа Пауля «Принципы истории языка», где он обращается к этой проблеме. Рассуждения Г. Пауля не утратили актуальности и в наши дни. По его мнению «Принятая в индоевропейских языках классификация частей речи, идущая в главных чертах еще от античных грамматистов, не имеет в своей основе последовательно выдержанных логических принципов, она сложилась в результате попыток учесть самые разные стороны проблемы. Поэтому для нее характерна известная произвольность. Нетрудно доказать, что она обладает рядом недостатков. Но коль скоро мы стремимся к тому, чтобы отнести каждое слово к определенному классу, нам вряд ли удастся заменить эту классификацию более удачной. Попытки установить строго логическую систему разграничения вообще несостоятельны». И далее: «Систему разграничения, принятую в наше время, определили следующие три аспекта: значение самого слова, его функции в составе предложения, его особенности в области флексии и словообразования» (Пауль 1880: 415).

В отечественном языкознании на протяжении 19 в. к этой проблеме обращались многие отечественные ученые – А.Х. Востоков, Г.П. Павский, К.С. Аксаков, Ф.И. Буслаев и др. В конце 19 в. А.А. Потебня и Ф.Ф.Фортунатов выдвинули разные принципы классификации частей речи. Потебня на первое место поставил семантику частей речи, указав также и на их синтаксическую роль. Фортунатов построил классификацию частей речи на последовательном проведении морфологического

принципа, назвав классы слов (части речи) формальными классами (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 578).

«Дальнейшие классификации частей речи в русском языкознании строилась на совмещении принципов, предложенных Потемной и Фортунатовым (напр., классификация А.М. Пешковского). А.А. Шахматов в основу деления частей речи положил синтаксический принцип с учетом морфологических принципов. Л.В. Щерба предложил классифицировать слова по совокупности морфологических, синтаксических и семантических признаков. По мнению Щербы, который первостепенное значение придавал семантическому признаку, основанием для классификации частей речи являются общие для всех языков мира категории: предметность, действие, качество. В.В.Виноградов относил к частям речи не все слова, а лишь те, которые являются членами предложения» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 578–579).

В современных русских академических изданиях учитываются три основные характеристики части речи – общность семантики, общность морфологических свойств и общность синтаксической функции:

«Части речи – классы слов, выделяемые на основании общности их синтаксических, морфологических и семантических свойств» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 578).

«Части речи – классы слов, характеризующиеся: единством обобщенного значения (напр., предметности у существительного, процесса у глагола), отвлеченного от лексических значений всех слов данного класса; общностью грамматических категорий и словоизменения; общностью синтаксических функций» (Русский язык 1997: 618).

Мы предположили, что эти и подобные дефиниции частей речи не позволяют построить такое определение имени прилагательного, которое не было бы противоречивым.

Для доказательства своего предположения мы применили прием сравнения содержания понятий («Части речи» и «Имя прилагательное») и прием сравнения содержания и объема понятия («Имя прилагательное»). Используя набор из четырех существенных признаков частей речи (вслед за Г. Паулем мы добавили словообразовательный признак), можно построить таблицу, которая позволит произвести анализ определений на предмет наличия в них указания на существенные признаки частей речи. Далее устанавливается, существует ли корреляция определений или же каждое функционирует само по себе. Еще один шаг – рассмотрение классификации имен прилагательных и / или перечня групп слов, включаемых в состав данной части речи, и проверка соотношения между содержанием и объемом понятия «Имя прилагательное».

Сравнение должно показать, какие факторы являются препятствием в создании непротиворечивого определения имени прилагательного.

В ходе анализа использовался ряд таблиц, которые способствовали компактному изложению материала.

Таблица для сравнения определений частей речи выглядит следующим образом:

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки <i>частей речи</i> , фактически названные в определении
семантические	
морфологические	
синтаксические	
словообразовательные	

Таблица для сравнения определений имен прилагательных отличается только заменой названия объекта анализа:

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении <i>имени прилагательного</i>
семантические	
морфологические	
синтаксические	
словообразовательные	

Кроме того, составлялись или заимствовались из текстов грамматик таблицы, отражающие структуру имени прилагательного как части речи, показывающие, какие группы слов включаются в состав имен прилагательных.

В книге «Очерк грамматики русского литературного языка» (Аванесов, Сидоров 1945. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР), понятие частей речи дается в виде нечеткой дефиниции, это скорее описание, чем определение:

«Основными грамматическими разрядами слов являются так называемые части речи, т.е. грамматические разряды, заключающие в себе слова, которые входят в состав основной единицы речи – предложения, выполняют в нем определенную грамматическую роль. Однако не все слова русского языка могут быть отнесены к частям речи. Некоторые разряды слов, например, слова, выражающие утверждение и отрицание (*да* и *нет*), восклицательные слова, называемые междометиями (*ой*, *ах*, *увы* и др.), вводные слова (*дескать*, *мол*, *значит*, *конечно*, *следовательно* и пр.) и некоторые другие выступают в речи вне состава предложения и, следовательно, не являются частями речи, а представляют собой особые разряды слов» (Аванесов 1945: 83–84).

Частями речи, согласно «Очерку», являются только те слова, которые могут являться членами предложения.

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки <i>частей речи</i> , фактически названные в определении (ОГРЛЯ 1945)
семантические	
морфологические	
синтаксические	«слова, которые входят в состав основной единицы речи – предложения, выполняют в нем определенную грамматическую роль»
словообразовательные	

Таблица показывает, что из четырех существенных признаков в определении частей речи указан только один – синтаксический.

Определение той или иной конкретной части речи, в нашем случае имени прилагательного, должно вытекать из общего определения частей речи, принятого в данной грамматике.

В параграфе «**Значение и формы имен прилагательных**» (Аванесов 1945: 126) имя прилагательное определяется как «часть речи, которая выражает самостоятельный признак как свойство или качество предмета и имеет синтаксические формы рода, числа и падежа, указывающие на отношение прилагательного к существительному» (Аванесов 1945: 126). Синтаксические формы, по мнению авторов, выражают различные отношения между словами, не изменяя их реального значения. В данном определении из четырех свойств слов частей речи называются только две группы свойств – семантические и синтаксические.

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении <i>имени прилагательного</i> (ОГРЛЯ 1945)
семантические	«несамостоятельный признак как свойство или качество предмета»
морфологические	
синтаксические	«синтаксические формы рода, числа и падежа, указывающие на отношение прилагательного к существительному»
словообразовательные	

Сопоставление определения частей речи с определением имени прилагательного показывает, что последнее лишь частично коррелирует с первым, но при этом дополняет и развивает первое. Полного соответствия, когда общее полностью присутствует в частном, не наблюдается.

В идеале определение имени прилагательного должно очерчивать границы данной части речи, то есть тот круг слов, которые, исходя из определения, следует считать прилагательными. Однако, уточняя и дополняя определение части речи, авторы «Очерка» приводят классификацию прилагательных и пишут, что они делятся на качественные и относительные; относительные прилагательные, в свою очередь, на собственно относительные, притяжательные и порядковые. Отразим классификацию имен прилагательных в **ОГРЛЯ 1945** в следующей таблице.

Имена прилагательные			
качественные	относительные		
	собственно относительные	притяжательные	порядковые

Дополним эту таблицу простейшими морфемными моделями слов: в квадратные скобки поместим основу слова, а в круглые – окончание. В квадратных скобках будем указывать семантический признак основы, в круглых – морфолого-семантический признак окончания.

Имена прилагательные			
качественные	относительные		
	собственно относительные	притяжательные	порядковые
[признак]+(призн)	[предмет]+(призн) [действ] + (призн)	[одуш предм] + (предм)	[число]+(призн)
[добр] + (ый)	[золот] + (ой) [бит] + (ый)	[отцов] + (а)	[втор] + (ой)

Судя по таблице, оба признака, существенных для прилагательного как части речи, указанные в определении, имеют отношение только к качественным прилагательным. Относительные прилагательные располагают только морфолого-синтаксическими характеристиками имени прилагательного, хотя и испытывают известное влияние «ядра» в своих производных значениях.

Получается, что включение порядковых числительных в разряд прилагательных явно противоречит семантическому принципу формирования частей речи. Порядковые прилагательные (числительные) семантически тяготеют к числительным, а в предложении ведут себя как прилагательные, то есть согласуются с именами существительными в роде, числе и падеже, занимая позицию определения, и в роде и числе в позиции сказуемого. При решении вопроса об отнесении порядковых прилагательных (числительных) к какой-либо из двух частей речи грамматист должен ответить себе на вопрос: какой принцип в определении границ части речи является ведущим, главным, определяющим – семантический или формальный (морфолого-синтаксический)?

В 1947 году выходит книга В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)». Характеризуя систему частей речи и частиц речи, автор пишет: «Из общих структурно-семантических типов слов русского языка наиболее резко и определенно выступают грамматические различия между разными категориями слов в системе частей речи. Деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строя слов и форм слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности; 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи» (Виноградов 1947; Виноградов 1972: 38). Воспользовавшись таблицей, можно увидеть, что В.В.Виноградов использует в описании три главных характеристики частей речи: семантические, морфологические и синтаксические особенности.

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки <i>частей речи</i> , фактически названные в определении (Виноградов 1947)
семантические	различия «вещественных (лексических) значений слов»; различия «в способе отражения действительности»
морфологические	различия «морфологического строя слов и форм слов»
синтаксические	различия «тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения»
словообразовательные	

Полнота определения частей речи транслируется и на уровень определения имени прилагательного:

«Имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятель-

ный) и которые являются определяющими имена существительные и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи. Семантической основой имени прилагательного является понятие качества. Слово, подводимое под категорию имени прилагательного, представляет собою комплекс форм, которые все вместе образуют своеобразную парадигму именного склонения, отличную от парадигмы склонений существительных. Эти формы имени прилагательного – синтетические, объединяющие в своей структуре указание на род, число и падеж (так же как у имен существительных). Однако формы рода, числа и падежа имен прилагательных выражают не внутренние оттенки качественных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными в процессе речи. Эти основные формы имен прилагательных являются формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования» (Виноградов 1947: 151).

При заполнении таблицы обнаруживается, что и в определении прилагательного как части речи названы его семантические, морфологические и синтаксические особенности.

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении <i>имени прилагательного</i> (Виноградов. 1947)
семантические	«Семантической основой имени прилагательного является понятие качества»
морфологические	«комплекс форм, которые все вместе образуют своеобразную парадигму именного склонения, отличную от парадигмы склонений существительных»
синтаксические	«Эти основные формы имен прилагательных являются формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования»
словообразовательные	

Уже в определении имени прилагательного обозначен и круг слов, включаемых в эту часть речи: при характеристике признаков предмета, обозначаемых прилагательным, наряду с качественным и относительным, называется еще и указательно-определятельный признак предмета, вследствие чего, по сравнению с «Очерками» Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова, круг прилагательных расширяется за счет местоимений. Кроме того, В.В.Виноградов изменяет классификацию прилагательных исходя из того, что между разрядами качественных и относительных прилагательных нет четко выраженной границы:

«Во всяком случае, традиционному делению прилагательных на три группы: 1) качественные; 2) относительные и 3) притяжательные – следовало бы противопоставить деление всех прилагательных на: 1) притяжательные; 2) местоименные и 3) качественно-относительные, а этого последнего разряда на: а) качественные; б) относительные и в) действительные (причастные и отпричастные)» (Виноградов 1947: 172).

Имена прилагательные				
притяжательные	местоименные	качественно-относительные		
		качественные	относительные	действительные

Из таблицы следует, что порядковые прилагательные (числительные) исключены из разряда имен прилагательных, однако включена группа местоименных прилагательных. При этом определения частей речи вообще и имени прилагательного в частности у В.В.Виноградова абсолютно корректны: понятие «Части речи» полностью коррелирует с понятием «Имя прилагательное»; содержание понятия «Имя прилагательное» полностью соответствует его объему. Тем не менее, включение местоимений в состав имен прилагательных не кажется убедительным.

«Грамматика русского языка» (Том I. Фонетика и морфология) выходила в 1952–1954 и в 1960 гг. считается традиционной, ей до недавнего времени следовали школьные грамматики. Полное определение имени прилагательного дается во «Введении», авторами которого являются Л.В. Щерба и В.В. Виноградов:

«Таким образом, имена прилагательные – это слова с грамматическим значением качества, согласующиеся в роде, числе и падеже с именами существительными и представляющие собой систему падежных и родовых форм в единственном числе и только падежных форм во множественном числе. Так, слово *честный* представляет собой систему форм: *честный*, честная, честное; честного, честной; честному, честной; честным, честною (честной); (о) честном, честной; честные, честных, честным,

честными, (о) честных. Кроме того, именам прилагательным присущи формы степеней сравнения, напр.: честнее, честнейший, самый честный; бедный, беднее, беднейший, самый бедный. От некоторых качественных прилагательных производятся уменьшительно-ласкательные формы, напр.: миленький (от милый), светленький (от светлый)» (Грамматика русского языка 1960: 25).

Строгое определение понятия части речи в этой грамматике не представлено, дается более или менее развернутое описание:

«В русском языке слова распределяются по разрядам, или классам, которые различаются по своим основным значениям, по характеру грамматических категорий, связанных с каждым из этих разрядов, или классов, а также по типам словообразования и формообразования. Эти разряды называются частями речи. Части речи различаются также по функциям, которые они выполняют в связной речи» (Грамматика русского языка 1960: 19).

Следуя этому определению, можно заключить, что части речи выделяются исходя из наличия четырех существенных признаков: семантического, морфологического, синтаксического и словообразовательного. Это подтверждает и анализ определения с помощью таблицы:

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки <i>частей речи</i> , фактически названные в определении (Грамматика русского языка 1960)
семантические	различаются по своим основным значениям, по характеру грамматических категорий, связанных с каждым из этих разрядов
морфологические	по типам формообразования
синтаксические	по функциям, которые они выполняют в связной речи
словообразовательные	по типам словообразования

Грамматика русского языка (Грамматика русского языка 1960) использует все четыре критерия выделения частей речи. Это сказывается на определении прилагательного, а также на объеме и структуре соответствующего раздела: в раздел «Имя прилагательное» включается большой подраздел «Словообразование прилагательных».

Определение имени прилагательного в Грамматике русского языка дается дважды – во «Введении», авторами которого являются Л.В. Щерба и В.В. Виноградов, и в разделе «Имя прилагательное», основная часть которого написана Н.Ю. Шведовой. Определение имени прилагательного во «Введении»:

«В тесной связи с именами существительными находится другой многочисленный разряд знаменательных слов – имена прилагательные, которые обозначают качество предметов непосредственно, напр.: *добрый человек, свежий хлеб*, или же по отношению к другим предметам, напр.: *сестрина книга* (книга, принадлежащая сестре), *отцов дом* (дом, принадлежащий отцу), *отцовское изобретение* (изобретение, сделанное отцом), *кирпичная стена* (стена из кирпича), *пивная бутылка* (бутылка для пива)» (Грамматика русского языка 1960: 23).

В определении указывается только один существенный признак прилагательного как части речи – семантический. Это показано в таблице.

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении <i>имени прилагательного</i> (Грамматика русского языка 1960)
семантические	обозначают качество предметов непосредственно или же по отношению к другим предметам
морфологические	
синтаксические	
словообразовательные	

Определение в разделе «Имя прилагательное» включает три существенных признака любой части речи – семантический, морфологический и синтаксический. Иерархия в расположении признаков отсутствует, не указывается и главный признак.

«Имена прилагательные обозначают признаки предметов непосредственно или через отношение к другим предметам» (Грамматика русского языка 1960: 279).

Имена прилагательные в речи тесно связываются с названиями предметов, т.е. с именами существительными, и употребляются как их определения, напр., *свежий хлеб, темная ночь*, и как именные сказуемые, напр.: *хлеб свежий, ночь темна*» (Грамматика русского языка 1960: 279).

«Имена прилагательные изменяются по родам (только в единственном числе), падежам (только полные формы прилагательных) и числам, согласуясь с именами существительными, которые они определяют, напр.: красивый город, красивая внешность, красивое лицо, красивые города, город красив, лицо красиво» (*Грамматика русского языка 1960*: 280).

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении имени прилагательного (<i>Грамматика русского языка 1960</i>)
семантические	«обозначают признаки предметов непосредственно или через отношение к другим предметам»
морфологические	«изменяются по родам (только в единственном числе), падежам (только полные формы прилагательных) и числам»
синтаксические	согласуются с именами существительными, которые они определяют; «в речи тесно связываются с названиями предметов, т.е. с именами существительными, и употребляются как их определения и как именные сказуемые»
словообразовательные	

Имена прилагательные разделяются на два больших класса – качественные и относительные, внутри относительных прилагательных выделяется подгруппа притяжательных, указывающих на принадлежность: *отцов дом, сестрина книга*.

Имена прилагательные		
качественные	относительные	
	собственно относительные	притяжательные

Традиционная грамматика руководствуется семантическим принципом как главным, поэтому круг прилагательных в ней строго ограничен и постоянен. В составе прилагательных не фигурируют ни порядковые числительные, ни местоимения.

В «**Грамматике современного русского литературного языка**», вышедшей в 1970 году, находим совершенно четкое определение частей речи. Его уже нельзя назвать описательно-эмпирическим, поскольку оно представляет собой научную дефиницию, состоящую из строго установленных терминов.

«Части речи – это классы слов, характеризующихся: 1) наличием у них общего категориального значения, т.е. значения, абстрагированного, во-первых, от лексических значений всех слов данного класса и во-вторых, от принадлежащих этому классу грамматических категорий; 2) общностью парадигматики и 3) тождественностью синтаксических функций» (**Грамматика современного русского литературного языка 1970**: 304).

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи , фактически названные в определении (Грамматика современного русского литературного языка : 1970)
семантические	наличие общего категориального значения, т.е. значения, абстрагированного от лексических значений всех слов данного класса
морфологические	наличие общего категориального значения, т.е. значения, абстрагированного от принадлежащих этому классу грамматических категорий; общность парадигматики
синтаксические	тождественностью синтаксических функций
словообразовательные	

«Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая признак предмета и выражающая это значение в грамматических категориях рода, числа и падежа; кроме того, прилагательное обладает грамматической категорией компаратива» (**Грамматика современного русского литературного языка 1970**: 306).

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении <i>имени прилагательного</i> (Грамматика современного русского литературного языка: 1970)
семантические	часть речи, обозначающая признак предмета
морфологические	и выражающая это значение в грамматических категориях рода, числа и падежа; кроме того, прилагательное обладает грамматической категорией компаратива
синтаксические	
словообразовательные	

Определяя круг имен прилагательных, грамматика 1970 предлагает четыре основания классификации: 1) значение производящей основы, 2) знаменательность / местоименность основы, 3) склоняемость / несклоняемость, 4) синтаксический дериват (модальность).

По значению производящей основы имена прилагательные делятся на качественные и относительные, при этом относительные составляют следующую систему:

Относительные имена прилагательные выражают признак по отношению к				
предмету	действию	принадлежности (притяжательные)	числу	
железный, оконный	надувной, отопительный, бродячий	лисий, отцов, сестрин	порядковые (счетные)	счетно-колич. прилаг.
			первый, второй, сотый	один – одни

По второму основанию все прилагательные делятся на знаменательные и местоименные. «Местоименные прилагательные составляют замкнутую группу слов; по значению и грамматическим признакам они примыкают к относительным прилагательным» (**Грамматика современного русского литературного языка 1970: 307**).

Имена прилагательные относительные	
знаменательные	местоименные
	1) <i>личные</i> : мой, твой, наш, ваш; 2) <i>возвратные</i> : свой; 3) <i>притяжательные</i> : его, ее, их; 4) <i>указательные</i> : тот, этот, такой, этак, таков, следующий; 5) <i>определяющие</i> : всякий, всяческий, каждый, любой, весь, целый, иной, другой, сам, самый; 6) <i>вопросительные</i> : какой, который, чей, каков; 7) <i>неопределенные</i> : какой-то, какой-нибудь, чей-либо, кое-какой, некоторый, некий; 8) <i>отрицательные</i> : <u>никакой, нисколько, ничей</u>

По третьему основанию прилагательные делятся на склоняемые и несклоняемые (с омонимичными падежными формами). К последним относятся: иностранные заимствования (*морзе, фантази, брутто, нетто, электрик* и под.); притяжательные прилагательные *его, ее, их*. Несклоняемые прилагательные не изменяются также по числам и родам (**Грамматика современного русского литературного языка 1970: 307**).

Имена прилагательные		
	склоняемые	несклоняемые
имеющие полные формы	не имеющие полных форм	

По четвертому основанию в состав прилагательных включаются синтаксические дериваты – модальные (вводные) слова: *буквально, вероятно, действительно, нормально* и т.п., а также слово *главное* (**Грамматика современного русского литературного языка 1970: 308**).

Имена прилагательные, выделяемые Грамматикой 1970, удобнее просто представить списком:

Имена прилагательные	
качественные	
собственно относительные	
притяжательные	

порядковые (счетные)	
счётно-количественное	<i>один</i>
местоименные	
несклоняемые	<i>морзе, фантази, брутто, нетто, электрик; его, ее, их</i>
модальные (вводные) слова	<i>буквально, вероятно, действительно, нормально; главное</i>

В списке обозначено своеобразное «поле» имен прилагательных. В центре поля имена прилагательные качественные, гармонично сочетающие в себе семантический, морфологический, синтаксический и словообразовательный признаки. Морфологический признак включает такие свойства качественных прилагательных, как способность к **формообразованию** (образование кратких форм и форм компаратива), к **формоизменению** (род, число, а иногда и падеж кратких прилагательных), к **словоизменению** (род, число, падеж при согласовании с именами существительными) и к **словообразованию** (качественные прилагательные с уменьшительно-ласкательными, экспрессивно-увеличительными, пейоративными суффиксами).

Ближайшую периферию составляют относительные прилагательные, испытывающие сильное влияние качественных и тем не менее уже не располагающие полным набором морфологических свойств. Еще дальше от ядра притяжательные прилагательные с их особой системой склонения и отнесенностью ограниченностью употребления (в основном в разговорной речи).

Дальнюю периферию составляют порядковые и местоименные прилагательные, счётно-количественное слово один, неизменяемые заимствованные слова со значением признака и синтаксические дериваты.

Содержание понятия «Имя прилагательное», раскрываемое в дефиниции, не соответствует объёму этого понятия. В разряд прилагательных включены все слова, за исключением причастий, у которых есть какое-либо сходство с качественными прилагательными. Иногда это сходство формальное, а иногда семантическое, как в случае с заимствованными словами.

Имена прилагательные качественные спаяны в единство семантически, морфологически, синтаксически и даже словообразовательно. Признаки частей речи в данном случае составляют своеобразный аккорд.

Слова-гибриды вводятся в состав имен прилагательных на основании неполного набора признаков. Вот почему определение имени прилагательного в данном случае не соответствует тому составу слов, который именами прилагательными объявляются.

«Русская грамматика» (1980) в определении понятия «Части речи» продолжает линию грамматики 1970 года, однако полного совпадения определений не наблюдается.

«Части речи – это грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3) общей системой (тождественной организацией) парадигм и 4) общностью основных синтаксических функций» (Русская грамматика 1980: 457).

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки <i>частей речи</i> , фактически названные в определении (Русская грамматика 1980)
семантические	наличие обобщенного значения, абстрагированного от лексических значений всех слов данного класса
морфологические	а) наличие обобщенного значения, абстрагированного от морфологических значений всех слов данного класса; б) комплекс определенных морфологических категорий; в) общая система (тождественная организация) парадигм
синтаксические	общность основных синтаксических функций
словообразовательные	

«Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа. Прилагательное обладает морфологической категорией степени сравнения и имеет полные и краткие формы» (Русская грамматика 1980: 540).

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении <i>имени прилагательного</i> (Русская грамматика 1980)
семантические	обозначает непроцессуальный признак предмета
морфологические	а) выражает это значение в словоизменительных категориях рода, числа и падежа; б) обладает морфологической категорией степени сравнения и имеет полные и краткие формы
синтаксические	
словообразовательные	

Сразу же после определения имени прилагательного Грамматика-1980 перечисляет все классы слов, которые она включает в состав данной части речи.

«В составе прилагательного как части речи, кроме собственно прилагательных, т.е. немотивированных или мотивированных слов, для которых название качества или свойства является их лексическим значением, входят группы слов, лексическое значение которых не выражает качества или свойства предмета. Это – порядковые прилагательные (так называемые порядковые числительные), называющие отношение к числу и определяющие положение предмета в порядке счета (*первый, второй, третий, сотый*; <...>, и местоименные прилагательные, не называющие качества или свойства, а только указывающие на него (*мой, тот, свой, каждый*). К прилагательным относится также большая группа неизменяемых слов иноязычного происхождения, называющих признак (*бордо, декольте, клёш, плиссе, хаки*). Эти слова не изменяются по родам и числам и принадлежат к нулевому склонению <...>; значение признака в них обнаруживается синтаксически, в сочетании с сущ.: *цвет бордо, брюки клёш, юбка плиссе, костюм хаки*)» (Русская грамматика 1980: 540).

Этот перечень легко переводится в таблицу:

Состав прилагательного как части речи		
Собственно прилагательные	Слова, лексическое значение которых не выражает качества или свойства предмета	Группа неизменяемых слов иноязычного происхождения, называющих признак
	Порядковые Местоименные	

Грамматика-1980 констатирует деление имен прилагательных на три неравные части: 1) собственно прилагательные, 2) порядковые и местоименные прилагательные и 3) неизменяемые слова иноязычного происхождения. Собственно прилагательные характеризуются определенной общностью семантических, морфологических и синтаксических свойств; порядковые и местоименные слова включены в состав прилагательных на основании их формальных признаков, а неизменяемые слова – на основании семантического и синтаксического признаков.

Грамматика-1980 предлагает две собственные классификации имен прилагательных:

«Прилагательные классифицируются по двум основаниям: во-первых, по характеру самого называемого признака и, во-вторых, по характеру обозначения признака, т.е. по тому, получает ли признак в слове свое лексическое выражение или на наличие признака только указывается, но сам признак не называется. Эти классификации, равно существенные для грамматической характеристики прилагательных, не подчинены друг другу и существуют независимо одна от другой» (Русская грамматика 1980: 540).

I

Имена прилагательные			
	относительные		
качественные	собственно относительные		порядковые
	непритяжательные	притяжательные	

II

Имена прилагательные			
	знаменательные		местоименные
качественные	относительные		
	собственно относительные	порядковые	
	непритяжательные	притяжательные	

Сравнивая определение имени прилагательного с фактическим составом этой части речи, определяемом грамматикой, можно вновь констатировать несовпадение содержания понятия и его объема. Определение имени прилагательного ориентировано в данном случае на качественные имена прилагательные, а фактически в эту часть речи включается множество гибридных слов, имеющих только отдельные элементы сходства с именами прилагательными. Такой подход поставил составителей грамматики в довольно трудное положение, поскольку они вынуждены были описывать большое количество побочного материала. В трудное положение был поставлен и читатель, вынужденный с большим трудом добираться до необходимой ему информации.

«Поскольку по характеру склонения, падежным флексиям и синтаксическим функциям порядковые числительные, причастия и местоименно-указательные слова (*тот, чей, весь, мой, твой, ваши, наш, этот, такой, какой, всякий, каждый, сам* и т.п.) подобны прилагательным, некоторые лингвисты включают их в состав прилагательных и рассматривают как особые разряды относительных прилагательных (порядковые числительные), как гибридные глагольно-прилагательные формы (причастия) или как замкнутую группу особых местоимений-прилагательных; академическая «Русская грамматика» (1980) рассматривает местоимения-прилагательные и порядковые числительные в составе прилагательных как части речи» (Русский язык 1979: 378).

«**Краткая русская грамматика**» (1989) создавалась на основе «Русской грамматики» (1980), однако авторы стремились сделать ее максимально доступной для широкого круга читателей.

«Части речи – это самые крупные грамматические классы слов, характеризующиеся следующими тремя признаками: 1) обобщенным грамматическим значением, абстрагированным от лексических значений слов и от категориальных морфологических значений; 2) определенным составом морфологических категорий и общностью организации парадигм; 3) общностью основных синтаксических функций» (**Краткая русская грамматика** 1989: 21).

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки <i>частей речи</i> , фактически названные в определении (Краткая русская грамматика 1989)
семантические	обобщенное значение, абстрагированное от лексических значений слов
морфологические	обобщенное грамматическое значение, абстрагированное от категориальных морфологических значений; определенный состав морфологических категорий и общность организации парадигм
синтаксические	общность основных синтаксических функций
словообразовательные	

«Имя прилагательное – часть речи, обозначающая непроецессуальный признак (качество, свойство) и выражающая это значение в словоизменительных категориях рода, числа и падежа. Все эти категории у прилагательного обнаруживаются как в его собственном словоизменении, так и в способности прилагательного к согласованию с определяемым именем существительным. Прилагательное обладает категорией степени сравнения и имеет полные и краткие формы» (**Краткая русская грамматика** 1989: 214).

Полный перечень существенных признаков частей речи	Существенные признаки частей речи, фактически названные в определении <i>имени прилагательного</i> (Краткая русская грамматика 1989)
семантические	обозначает непроецессуальный признак предмета (качество, свойство)
морфологические	а) выражает это значение в словоизменительных категориях рода, числа и падежа; б) обладает морфологической категорией степени сравнения; в) имеет полные и краткие формы.
синтаксические	способность к согласованию с определяемым именем существительным
словообразовательные	

Определение имени прилагательного и в данном случае базируется на именах прилагательных качественных. Не вдаваясь подробно в описание групп слов, входящих в состав прилагательных, **Краткая грамматика** отмечает:

«В состав прилагательных как части речи входят также группы слов со счетным значением (так называемые порядковые числительные и слово *один*; <...>) и местоименные прилагательные <...>. Все эти слова в грамматической традиции часто относятся к числительным или к местоимениям.

В классе прилагательных выделяется небольшая группа несклоняемых слов иноязычного происхождения, называющих признак (*бордо, мини, миди, реглан, рококо* и т.п.). Значение признака у таких слов обнаруживается только синтаксически».

Состав прилагательных примерно тот же, что и в Русской грамматике-1980):

Имена прилагательные	
качественные	
собственно относительные	
притяжательные	
порядковые (счетные)	
счетно-количественное	один
местоименные	
несклоняемые	бордо, мини, миди, реглан, рококо

Как и в предыдущих грамматиках, в КРГ 1989 наблюдается расхождение содержания и объема понятия «Имя прилагательное», и Краткая грамматика уже оговаривает, что в грамматической традиции порядковые и местоименные прилагательные отсутствуют.

Так же лаконично говорится о делении прилагательных на лексико-грамматические разряды:

«Прилагательные разделяются на лексико-грамматические разряды, во-первых, на основании того, называется ли признак или на него только указывается, и во-вторых, на основании природы называемого признака. Классификация по первому основанию разделяет прилагательные на неместоименные и местоименные, по второму – на качественные и относительные. Обе классификации существуют независимо одна от другой».

Состав прилагательных в «Краткой русской грамматике» может быть представлен следующей таблицей.

I

Имена прилагательные	
неместоименные	местоименные

II

Имена прилагательные	
качественные	относительные

Анализ материала подтвердил гипотезу, выдвинутую в начале исследования: в формальных грамматиках нет единого непротиворечивого определения имени прилагательного.

Рассмотрев определения понятия «Части речи» и понятия «Имя прилагательное» с точки зрения их соответствия друг другу, мы пришли к заключению, что полная взаимозависимость между этими понятиями фактически отсутствует. В определениях части речи говорится о том, что все слова данного лексико-грамматического разряда должны обладать общностью семантического, морфологического и синтаксического признаков. Понятно, что это определение распространяется только на ядерную основу имени прилагательного. Определение имени прилагательного также ориентируется только на качественные имена прилагательные. Вероятно, определения части речи и имени прилагательного должны быть дополнены оговорками о возможной неполноте частеречных показателей.

В рассмотренных нами грамматиках нет единства относительно разрядов слов, включаемых в состав имени прилагательного. Отразим это в таблице:

	ОГРЛЯ 1945	В.В.В. 1947	ГРЯ 1960	ГСРЛЯ 1970	РГ 1980	КРГ 1989
качеств	+	+	+	+	+	+
относит	+	+	+	+	+	+
притяж	+	+	+	+	+	+
порядк	+		-	+	+	+
местоим	-		-	+	+	+
несклон			-	+	+	+

Выводы:

1. Единое определение имени прилагательного так и не было создано.
2. Везде на первом месте в определении семантический аспект, без него не обходится ни одно из определений, в то время как другие аспекты могут опускаться, пропускаться или упоминаться нечетко.

3. Не удалось скоррелировать определения понятий «Части речи» и «Имя прилагательное». Исключение составляет книга В.В.Виноградова.

4. Состав имен прилагательных устанавливается путем перечисления групп слов или даже отдельных слов.

5. Совмещение семантического, морфологического и синтаксического свойств при определении части речи имеет смысл только тогда, когда речь идет о так называемом «ядре», в нашем случае – о качественных именах прилагательных. Основа таких прилагательных гармонирует с аффиксами, лексическое и грамматическое значения как бы окрашены одним цветом: основа со значением признака + окончание, органически присущее признаковым словам. В остальных случаях возникает проблема выбора ведущего свойства – либо семантического, либо формального.

6. Недостаточно разграничены в грамматиках синхронный и диахронический аспекты.

В грамматической традиции второй половины 20 века сложилось два направления, которые развивались параллельно, взаимно дополняя и обогащая друг друга, – традиционное и формальное. Однако постепенно стало очевидным, что формальный подход к описанию частей речи менее органичен и менее пригоден к практическому применению (например, в школьном преподавании). В серьезных справочниках появились определения имени прилагательного, явно тяготеющие к традиции:

«Имя прилагательное – часть речи, обозначающая непроецессуальный признак (качество, свойство) и выражающая это значение в грамматических категориях рода, числа и падежа. Все эти категории у прилагательного обнаруживаются как в его собственном словоизменении, так и в способности прилагательного к согласованию с определенным именем существительным» (Русский язык 1997: 376).

Кроме того, отмечается:

«Авторы грамматик русского языка, издающихся как в России, так и в других странах, чаще придерживаются традиционного распределения слов по частям речи, отмечая при этом близость названных разрядов слов по словоизменению и синтаксическим функциям к прилагательным» (Русский язык 1997: 378).

Однако и традиционные грамматики впитали в себя те несомненные достижения, которым лингвистическая наука обязана формальным грамматикам второй половины прошлого века. Соединение обеих грамматик особенно хорошо заметно в школьной грамматике, и свидетельством такого плодотворного взаимодействия является, в частности, современное определение имени прилагательного в школьном учебнике русского языка:

«1. Имя прилагательное – это часть речи, которая обозначает признак предмета и отвечает на вопросы какой? чей?

2. Имена прилагательные изменяются по родам, падежам и числам.

Прилагательные могут иметь краткую форму.

3. В предложении прилагательные бывают определениями и сказуемыми» (Русский язык 2001: 106).

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* 1945. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР.
- Виноградов В.В.* 1972. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. Москва: Высшая школа.
- Грамматика русского языка. 1960. Т. 1-2. Москва: АН СССР.
- Грамматика современного русского литературного языка 1970. Москва: Наука.
- Краткая русская грамматика. 1989 / Шведова Н.Ю., Лопатина В.В. (ред.). 1989. Москва: Русский язык.
- Кубрякова Е.С.* 1978. Части речи в ономаσιологическом освещении. Москва: Наука.
- Лингвистический энциклопедический словарь. 1990 / Ярцева В.Н. (гл. ред.). Москва: Советская Энциклопедия.
- Пауль Г.* 1960. Принципы истории языка / Холодович А.А. (пер., ред.). Москва: Издательство иностранной литературы.

Русская грамматика 1980. Т. 1. Москва: Наука.

Русская грамматика: В 2 т. 1979. Praha: Academia.

Русский язык: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений / Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Тростенцова Л.А. и др. 23-е изд. 2001. Москва: Просвещение.

Русский язык: Энциклопедия. 1997 / Караулов Ю.Н. (гл. ред.). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая российская энциклопедия; Дрофа.

УДК 821.161.1

А.Е. Бельков², О.М. Култышева¹

БЕССОННИЦА КАК МУЗА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «БЕССОННИЦА»)

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной разработанностью проблемы традиций и интерпретации образа Музы в творчестве М.И. Цветаевой. Комплексный анализ его эволюции в поэзии Цветаевой на данный момент никем в отечественном цветаеведении не осуществлялся.

Целью данной работы является исследование эволюции образа Музы и его интерпретации в творчестве Марины Цветаевой. Цикл «Бессонница», созданный в 1916 году, свидетельствует о том, что М. Цветаева не просто творила под началом Музы, она посвящала ей свою поэзию. Образ бессонницы является для поэтессы Музой, – близкой, родной, одухотворенной, позволяющей ей реализоваться как поэту. В ней можно увидеть черты как Анны Ахматовой, так и ее музы-сестры, наставницы и мучительницы. Цветаевская Муза страдает, она – «Муза плача», что сближает ее со страдающей Музой Н. А. Некрасова.

Ключевые слова: М.И. Цветаева; А.А. Ахматова; муза; образ; цикл «Бессонница».

Сведения об авторах: Култышева Ольга Михайловна¹, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета; Бельков Антон Евгеньевич², магистрант кафедры филологии массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: ¹628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru¹; e-mail: bae14@mail.ru².

А.Е. Belkov², O.M. Kultysheva¹

INSOMNIA AS A MUSE (BASED ON THE ANALYSIS OF THE CYCLE POEMS OF M.I. TSVETAEVA «INSOMNIA»)

Abstract. The relevance of this article is due to the insufficiently developed nature of the problem of traditions and the interpretation of the image of the Muse in the works of M.I. Tsvetaeva. A comprehensive analysis of its evolution in Tsvetaeva's poetry has not been carried out by anyone at home in the national color education.

The aim of this work is to study the evolution of the image of the Musa and its interpretation in the work of Marina Tsvetaeva. The cycle «Insomnia», created in 1916, indicates that M. Tsvetaeva did not just create under the Muse, she dedicated her poetry to her. The image of insomnia is for the poetess Muza – close, native, spiritualized, allowing her to be realized as a poet. In it you can see features like Anna Akhmatova, and her muse-sisters, mentors and tormentors. Muse Tsvetaeva suffers, she is « Muse of lamentation», which brings her closer to the suffering Muse of N.A. Nekrasov.

Key words: M.I. Tsvetaeva; A.A. Akhmatova; muse; image; cycle «Insomnia».

About the authors: Kultysheva Olga Mikhailovna¹, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University; Belkov Anton Evgenievich², graduate student of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University.

Кроме А.А. Ахматовой (Бельков, Култышева 2015: 946-949) Музой для Марины Цветаевой становится бессонница (но и в этом ощущается влияние Ахматовой, у которой есть известное стихотворение 1912 года «Бессонница»), где последняя является не только физическим состоянием человека, а именно живым, одушевленным существом, покровителем и вдохновителем. Бессонница – воплощение образа Музы.

Этому образу Марина Цветаева посвятила цикл стихотворений под одноименным названием, который был создан в 1916 году.

Цветаева, создавая цикл с таким заглавием, безусловно, осознавала возможности, заложенные в данной теме, и определяла свое место в этой поэтической традиции, вступала в диалог с ней. Тем бо-

лее примечательно то, что стихи, составившие «Бессонницу», избегают эксплицирования канонических мотивов этой традиции. Е.М. Таборисская отмечает: «По отношению к традиционным «бессонницам» цикл Цветаевой откровенный и последовательный антитекст, с практическим отказом от традиционных мотивов и сменой ценностей».

Состояние бессоницы – это как раз то состояние, в котором поэтесса способна вдохновенно творить. Бессонница для Цветаевой – «недремлющее око души», это возможность выплеска творческой энергии. В этом коренное отличие восприятия бессонного состояния как музыки в творчестве Цветаевой от традиционного для поэзии серебряного века восприятия состояния сна и полусна как самого творческого.

Почему же бессонница является Музой для Марины Цветаевой? Что вкладывает в этот образ автор, нарекая Музу бессонницей? Рассмотрим это подробнее.

Уже в первом стихотворении цикла «Обвела мне глаза кольцом...» Марина Цветаева представляет нам свою «подруженьку» – бессонницу. Таким образом, бессонница – это одушевленное, живое лицо, к которому обращается поэтесса в своих стихах. Как в цикле «Ахматовой» Цветаева обращалась к Анне Ахматовой, так здесь обращается к бессоннице как к близкому человеку, называя ее «женщиной», «жемчужинкой», «голубкой».

Цветаева поклоняется бессоннице, подобно тому, как поэт поклоняется Музе:

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:
– Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.
Чтобы – спалось – легче,
Буду – тебе – певчим:
– Спи, подруженька
Неугомонная! («Обвела мне глаза кольцом ...») (Цветаева 2003: 38)

Цветаева постоянно напоминает читателю, что она дружна с бессонницей. Бессонница и ночь – ее «неразлучные» друзья:

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно –
Звонящей ночи. («Бессонница! Друг мой ...») (Цветаева 2003: 39)

Цветаева просит бессонницу прийти к ней, ведь именно это бессонное полуреальное состояние необходимо поэтессе. Подобно тому, как поэт обращается к Музе, Марина Цветаева обращается к бессоннице, прося прийти и подарить вдохновение:

– Подруга! –
Удстой.
Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми –
Втяни,
Глотни:
– Не будь! –
О друг! Не обессудь! (Цветаева 2003: 41).

Бессонница распаивает перед поэтессой двери в творчество. Цветаева всячески старается рассказать о своей любви к бессоннице и о том, чем награждает за это ее Муза:

Сегодня ночью я одна в ночи-
Бессонная, бездомная черница! –
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
– О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! –
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воюющую землю! («Сегодня ночью я одна в ночи...»)
(Цветаева 2003: 56)

Муза – близкий и родной образ для Марины Цветаевой (в этом снова находим аналогии музыки Цветаевой и музыки Ахматовой, называвшей её собственной сестрой и двойником). На протяжении всего цикла стихотворений поэтесса ведет с ней беседу, обращается к ней. Это позволяет утверждать, что Муза-бессонница тесно и даже неразрывно связана с автором:

– Не будь! –
О друг! Не обессудь!
Прельстись! Испей!
Из всех страстей-
Страстнейшая, из всех смертей
Нежнейшая... Из двух горстей
Моих – прельстись! – испей!
Мир без вести пропал. В нигде –
Затопленные берега...
– Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга...(«Бессонница! Друг мой ...») (Цветаева 2003: 39)

Более того, бессонница не только принимает участие в разговоре, беседе, она сама, будучи на правах Музы, обращается к поэтессе:

И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:
Не спи! крепись! говорю добром!
А то – вечный сон! а то – вечный дом! («Кто спит по ночам...»)
(Цветаева 2003: 86)

Итак, цикл «Бессонница» свидетельствует о том, что между автором и бессонницей установлена тесная духовная связь(неслучайно Цветаева называет себя и бессоницу «неразлучными»). Для поэтессы бессонница – это живое, одухотворенное, находящееся рядом существо, которое для Марины Цветаевой является «подруженькой», «сестрой», «голубкой». Она – ее опора и надежда, она – ее Муза, Муза, которая покровительствует и помогает творить, открывает дорогу поэтическому дару. Творчество Марины Цветаевой на данном этапе отражает традиционные для поэзии отношения автора и Музы. Циклы «Ахматовой» и «Бессонница», созданные в 1916 году, свидетельствуют о том, что поэтесса не просто творила под началом Музы, она посвящала ей свою поэзию. Образы Анны Ахматовой и бессонницы, которым посвящены одноименные циклы стихотворений, и являются для Марины Цветаевой Музой, – близкой, родной, одухотворенной, позволяющей ей реализоваться как поэту. В ней можно увидеть черты как самой Анны Ахматовой, так и ее музы-сестры, наставницы и мучительницы. Цветаевская Муза страдает, она – «Муза плача», что сближает ее со страдающей Музой Н. А. Некрасова.

Первое «ночное» стихотворение (второе в цикле «Бессонница») – «Руки люблю целовать...» – почти целиком построено на отсылках к нескольким фетовским текстам из «Вечеров и ночей». Во-первых, оно воспроизводит типичное для поэзии Фета положение лирического героя – на границе закрытого пространства спящего дома и открытого ночного пространства, каналом связи между которыми, как правило, выступает открытое окно (у Цветаевой это дверь, ниже мы будем говорить о семантике такой замены), а в восприятии внешнего мира первостепенное значение имеют звуки:

... люблю раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!
Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.
Сплю почти
Где-то в ночи
Человек тонет («Руки люблю целовать...») (Цветаева 2003: 43)

Таким образом, М. Цветаева хорошо осознавала вновь открывшийся потенциал темы «бессонницы». Очевидно следуя за ахматовским текстом в выборе персонажа первого стихотворения – бессонницы-подруги, Цветаева в остальных текстах цикла действительно создает «последовательный антитекст» с точки зрения традиционных для семантического комплекса бессонницы мотивов и ценностей, полностью сдвигая акцент в развитии темы на значение ночи как времени максимального раскрытия творческого потенциала.

Тема «бессонницы», восходящая к пушкинским «Стихам, сочиненным ночью во время бессонницы», в XIX веке складывается в традицию, характеризующуюся набором устойчивых мотивов. Цветаева, создавая цикл со «знаковым» заглавием, безусловно, осознавала возможности, заложенные в данной теме, и определяла свое место в этой поэтической традиции, вступала в диалог с ней. Тем более примечательно то, что стихи, составившие «Бессонницу», избегают эксплицирования канонических мотивов традиции. Однако наш анализ показывает, что Цветаева чутко улавливает изменения, которые в начале XX века намечаются в рамках этой темы. Образ Парки как богини судьбы «скрещивается» с образом Музы, которая еще в стихах второй половины XIX века (Некрасов) начинает утрачивать «легкость» музы пушкинской традиции и становится музой-мучительницей. Завершается эта линия в стихах И. Анненского, В. Иванова, А. Ахматовой и А. Блока. Цветаева создает свой образ бессонницы как персонификации творческого импульса, во многом близкий образу музы, созданному в стихах поэтов-современников. Кроме того, сама тема бессонницы развивается Цветаевой в традиции «ночной» поэзии, связанной в русской культуре XIX века с творчеством Тютчева и Фета, а в начале XX века с переводами В. Иванова «Гимнов ночи» Новалиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельков А.Е., Кульшишева О.М. 2015 Муза-Ахматова (на примере анализа цикла стихотворений М. Цветаевой «Ахматовой») // Молодой ученый 22, 946–949.
Цветаева М. И. 2003 Энциклопедическое собрание сочинений. Москва: ИДДК.

УДК 81.42

К.С. Вялкова¹, Л.В. Коростелева²

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМЕ ОПЕРАТОРОВ СОТОВОЙ СВЯЗИ МТС И TELE2

Аннотация. В сфере современной коммуникации реклама является не только необходимым условием продвижения товаров на рынке, но также неотделимой частью нашей повседневной жизни. Трудно представить себе повседневную коммуникацию без рекламы. Она оказывает воздействие практически на все сферы жизни людей: формирует ценностные установки, меняет приоритеты и влияет на образ мышления. С точки зрения филологии, реклама являет собой особую сферу практической деятельности, продуктом которой является словесное произведение – рекламный текст.

В связи с активным развитием сферы рекламы, а так же вовлечением в нее все большего числа текстовых форм, исследования, посвященные жанровым разновидностям рекламных текстов и их стилистическим особенностям, являются актуальными.

Статья посвящена анализу роли стилистически окрашенной лексики в воздействующей функции рекламных текстах, которые оказывают влияние практически на все сферы жизни людей и являются неотъемлемой частью современной коммуникации. Обосновывается необходимость изучения лингвистических особенностей рекламных текстов. Материалом для исследования стали тексты рекламных роликов операторов телекоммуникационной связи МТС и Tele2. Показано, что стилистически окрашенная лексика в рекламных текстах имеет не столько выразительную функцию, сколько воздействующую на потребителя.

Ключевые слова: рекламный текст; стилистически окрашенная лексика; лексика; стиль.

Сведения об авторах: Вялкова Ксения Сергеевна¹, магистрант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета; Коростелева Лариса Владимировна², кандидат

филологических наук кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: ^{1,2}628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: ksenia.vyalkova@gmail.com¹; e-mail: klimovalar@inbox.ru².

K.S. Vyakova¹, L.V. Korosteleva²

CONNOTATIVE WORDS IN THE ADVERTISING OF MOBILE OPERATORS MTS AND TELE2

Abstract. In the field of modern communication, advertising is not only a necessary condition for the promotion of goods on the market, but also an inseparable part of our daily life. It is difficult to imagine everyday communication without advertising. It affects virtually all spheres of people's lives: it forms values, changes priorities and affects the way of thinking. From the point of view of philology, advertising is a special sphere of practical activity, the product of which is a word product – an advertising text.

In connection with the active development of advertising, as well as the involvement of an increasing number of text forms, research on genre varieties of advertising texts and their stylistic features is relevant.

The article is devoted to analysis of the role of connotative words in influencing the functions of advertising texts, which have an impact on virtually all spheres of people's activity and are an integral part of modern communication. Substantiated the necessity of studying the linguistic features of advertising texts. The material for the study consist of texts of commercials operators MTS and Tele2. It is indicated that expressive vocabulary in the advertisement texts has expressive function, and the influencing effect on the consumer.

Key words: advertising text; connotative words; vocabulary; style.

About the author: Vyalkova Kseniya Sergeevna¹, graduate student of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University; Korosteleva Larisa Vladimirovna², Candidate of Philological Sciences of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University.

Для рекламных текстов, в отличие от текстов газетных жанров, характерны повышенная экспрессивность, способность «маскироваться» под видом текстов других жанров, а также включение в текст специфических рекламных приемов, которые направлены на усиление эффекта рекламы. К таким приемам можно отнести и использование стилистически окрашенной лексики.

Рекламные объявления относятся официально-деловому стилю и соотносятся с жанром делового объявления. Основными требованиями к которому являются краткость, ясность, четкость и точность, что объясняется информативной функцией рекламы. Однако следует отметить, что жанр рекламного объявления выполняет не только информативную, но и воздействующую или побудительную функцию.

Отметим также, что в основе рекламы лежат различные языковые средства, которые отличаются от традиционных публицистических жанров (Бердышев 2008: 10). Использование повелительного наклонения и восклицательных знаков, призвано побудить человека к определенному действию. Кроме того, их применение связано с функцией привлечения внимания.

Большое значение в рекламе играет тон обращения к потенциальному покупателю. Диапазон этой тональности может быть широк: от жесткого и сухого тона (для обострения внимания на конкретной проблеме) до мягкого и доверительного (например, при обращении к домохозяйкам). В ряде отдельных случаев создатели рекламы также прибегают к ироническому, юмористическому или неформальному обращению.

Все это отражается на разнообразии жанров рекламных текстов. С.Н. Бердышев приводит следующую классификацию жанров рекламы (Бердышев 2008: 7).

1. Информационные жанры, которые отвечают на вопросы: что? где? когда? кто? К ним относятся рекламная заметка, рекламное интервью, рекламный отчет и рекламный репортаж.

2. Аналитическое жанры, отвечающие на вопросы: что? где? когда? кто? почему? Эти жанры представлены рекламной корреспонденцией, рекламными статьями, рекламными рецензиями, рекламными комментариями и рекламными обзорами.

3. Публицистические жанры рекламы отвечают на вопросы: что? где? когда? кто? как? каким образом? При этом в рекламных целях используются практически все жанры газетной публицистики (рекламная зарисовка, рекламный очерк). Эта жанровая группа наиболее активно используется при подготовке PR-материалов и материалов со скрытой рекламой.

Язык рекламных текстов требует постоянного обновления, так как выразительные средства, быстро распространяясь, устаревают, в результате чего начинают воспроизводиться в речи как клишированных конструкции. В результате этого образность рекламы стирается, и, как следствие, сни-

жается убедительность. С развитием Интернет-технологий это стало происходить гораздо быстрее, так как увеличилось количество каналов распространения информации. (Беданоква 2006: 193).

Часто в рекламных текстах можно встретить стилистически окрашенную лексику, как например: устаревшие слова, неологизмы, профессионализмы, термины, разговорные, просторечные или жаргонные слова. Все они, так или иначе, способствуют привлечению внимания аудитории и придают тексту эмоциональную окраску. В целом в современной рекламе можно проследить тенденцию приближения текстов к устно-разговорной речи. К языковым особенностям разговорной лексики также можно отнести употребление обиходно-бытовых лексем и фразеологизмов, а также эмоционально-окрашенной лексики, различных вводных слов.

Стилистическая характеристика слова в первую очередь определяется тем, как его воспринимает говорящий, в сознании которого это слово может быть закреплено за определенным функциональным стилем или может использоваться, как уместное в любом стиле.

Именно тематическая соотнесенность слова способствует его стилевой закреплённости. Мы можем определить, что слова-термины относятся к научному языку (эволюция, квантовая теория); относим слова, связанные с политикой, к публицистическому стилю (саммит, международный, конгресс); выделяем слова, употребляемые в делопроизводстве, как официально-деловые (нижеследующий, оповестить, предписать).

Особенностью эмоционально-оценочной лексики является то, что эмоциональная окраска «накладывается» на лексическое значение слова, но не сводится к нему, функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению.

В составе эмоциональной лексики традиционно выделяют следующие три разновидности.

1. Слова с ярким оценочным значением, как правило, однозначные. К ним принадлежат слова-«характеристики» (предтеча, провозвестник, брюзга, пустомеля, подхалим, разгильдяй и др.), а также слова, содержащие оценку факта, явления, признака, действия (предназначение, предначертание, делячество, очковтирательство, дивный, нерукотворный, безответственный, допотопный, дерзать, вдохновить, опорочить, напакостить).

2. Многозначные слова, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении. Так, о человеке говорят: шляпа, тряпка, тюфяк, дуб, слон, медведь, змея, орел, ворона; в переносном значении используют глаголы: петь, шипеть, пилить, грызть, копать, зевать, моргать и подобные.

3. Слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства: заключающие положительные эмоции – сыночек, солнышко, бабуля, аккуратненько, близехонько, и отрицательные – бородища, детина, казенщина и т.п.

Помимо этого Д.Э. Розенталь выделяет 3 группы экспрессивно-окрашенной лексики (Розенталь 2016: 33):

1) Нейтральная (межстилевая) – это лексика, которая может быть использована во всех стилях языка, она представляет собой разряд слов экспрессивно не окрашенных, эмоционально нейтральных.

2) Разговорная – к ней относятся слова придающие речи оттенок неофициальности, непринуждённости, но не выходящие за пределы литературного языка. Это лексика устной речи. Её характеризует неофициальность и эмоционально экспрессивная окрашенность. Большую роль при устном общении играют жесты, мимика, поза, интонация.

3) Просторечная – находится на грани или за пределами строго нормированной лексической литературной речи и отличается большей стилистической сниженностью по сравнению с лексикой разговорной, хотя границы между ними зыбки и подвижны и не всегда чётко определены.

В свою очередь просторечную лексику можно также разделить на три подгруппы:

- Грубовато-экспрессивная лексика грамматически представлена существительными, прилагательными, наречиями и глаголами (зануда, обормот, негодяй и т.п.).

- Грубовато просторечная лексика отличается большей степенью грубости: (рыло, балда, харя и т.п.). У этих слов сильнее экспрессия и отрицательное отношение к каким-то явлениям.

- К просторечной лексике относятся некоторые слова собственно просторечные, нелитературные, они не рекомендуются в речи культурных людей (давеча, небось, авось, отродясь и т.п.)

Употребление в рекламе товаров народного потребления канцеляризмов или специальных терминов является опасным и может повлечь за собой снижение интереса к рекламируемому товару и компании. Однако, использование профессиональной лексики в рекламе для подходящей под нее целевой аудитории, напротив, поможет привлечь внимание и повысить уровень доверия к рекламируе-

тому товару. Имитация непринужденной устной речи приближает язык рекламы к повседневной речи потребителя, облегчая тем самым восприятие текста. (Ефремов 2014)

Рассмотрим один из факторов, влияющих на эффективность рекламного текста, а именно его стилистическое оформление. Стоит отметить, что в большинстве своем в современной рекламе прослеживается тенденция приближения к устно-разговорной речи. Такие тексты проще озвучивать, воспроизводить, а отдельные фразы органично вписываются в повседневную речь. Также зачастую на стилистику рекламного текста влияет образ рекламного персонажа, как, например, в рекламе с Дмитрием Нагиевым.

Разберем использование стилистически окрашенной лексики в рекламных текстах, на примере роликов операторов сотовой связи МТС и Tele2.

Рекламная кампания МТС 2016 года, организованная в поддержку нового тарифа Smart Безлимитище, является ярким примером использования стилистически окрашенной лексики в рекламных текстах для привлечения внимания потребителей. Об этом говорят и сами создатели, специалисты агентства BBDO Moscow, отвечающие за креативную концепцию рекламных роликов, в которых, по словам директора по маркетинговым коммуникациям МТС Натальи Глаголевой, постарались задействовать все «безграничные возможности великого и могучего русского языка», для того чтобы передать тончайшие оттенки смыслов, для максимально точной и образной передачи грандиозности нового предложения. Это повлияло и на необычное название самого тарифа и, собственно, текстовое наполнение роликов.

Рассмотрим варианты стилистической окраски слов на примере нескольких рекламных роликов, выпущенных в рамках кампании «Smart Безлимитище».

В первом ролике герои, оказавшись в российской глубинке, пытаются починить автомобиль, опираясь на инструкции по видео-связи (МТС. Smart БЕЗЛИМИТИЩЕ ...).

Владимир Сычев (В.С.):	Ты там долго? У меня же не безлимитище!
Дмитрий Нагиев (Д.Н.):	Есть же тариф! Для людей, у которых не размах, а размашище! Не талант, а талантище! Не сила, а...
В.С.:	А?..
Д.Н.:	А силища! И здесь у тебя должен быть безлимитище!
Тариф Смарт БЕЗЛИМИТИЩЕ. Безлимитный интернет и звонки на МТС даже в поездках по России всего за 12–90 в сутки.	
МТС. Ты знаешь, что можешь!	

В данном случае использование характерного для разговорной речи суффикса –ищ-, при добавлении к основе существительного, образует слова со значением усиления, увеличения.

Размах – размашище (разг.)

Талант – талантище (разг.)

Сила – силища (разг.)

В еще одном ролике, Дмитрий Нагиев плывет на лодке с сыном и пытается обратить его внимание на окружающую природу.

– Вымахал! Не сын – сынище! Вокруг посмотри, речище течет, деревища растут. А люди – человечищи! И чтобы общаться, им нужен не просто безлимитный тариф, а БЕЗЛИМИТИЩЕ! Алло! Ты меня слушаешь вообще? Ручищи от интернета убрал!	
Тариф Смарт БЕЗЛИМИТИЩЕ. Безлимитный интернет и звонки на МТС даже в поездках по России всего за 12–90 в сутки.	
МТС. Ты знаешь, что можешь!	

В данном ролике, также используются словоформы «безлимитище», «речище», «сынище», «деревища», «человечищи». Данные слова отсутствуют в словарях, однако их значение понятно, так как они образованы по законам русского языка.

Использование разговорного суффикса в лексемах, используемых в данных видеороликах, демонстрирует масштабность возможностей, которые может предоставить рекламируемый тариф.

После старта рекламной кампании 2014 года Tele2 сменила знаменитую концепцию «Мафия» на новую рекламную платформу «Честность». В основу которой легла идеология честности, отвечающая ценностям бренда Tele2. Во всех коммуникациях с абонентами Tele2 сделала ставку на

принципы честности и простоты, информируя пользователей обо всех без исключения условиях оказания услуг.

Для реализации идеи честности в телевизионной рекламе компания использует силу музыки и стихов. Главные герои новой концепции Tele2 – группа молодых музыкантов, которые участвуют в рекламе под своими настоящими именами. Их творчество – честные, остроумные тексты, музыка и острые рифмы, доносящие идеи Tele2. Они борются за прямоту в общении и честность. Они говорят правду в своих ироничных песнях, разоблачают обман в жизни и строго оценивают даже самих себя (Tele2 представляет ...).

В видео, открывающем серию, которая должна была представить линейку брендированных смартфонов, демонстрируется, как герой ролика, одетый в стиле Джобса (в черной водолазке, джинсах, кроссовках и очках), рассказывает участникам «конференции» о линейке брендированных смартфонов. Он говорит: «Друзья, пусть меня зовут не Тим и не Стив. Но я презентую смартфон, в который не включен обязательный тариф. В нем есть все: 2 sim-карты, 2 камеры, 3G. Есть инновация одна – честная и низкая цена!». Аудитория выражает сомнения: «И не нужно тариф на полгода подключать, хотите сказать?». Выступающий отвечает: «Да, за низкой ценой нам нечего скрывать!» (Tele2 выпустила рекламу ...).

В рекламном тексте данного ролика активно используется профессиональная и терминологическая лексика (*презентую, инновация*). Несмотря на отнесенность данной лексики к научно-публицистическому стилю, лексическое значение данных терминов является общедоступным.

Продолжением данной рекламной кампании, направленной на поддержание имиджа *честного* оператора сотовой связи, стало размещение наружной рекламы на улицах и в общественном транспорте.

Данная реклама представляет собой паттерн с изображенным на ней гипнотизером и надписью: «Про низкую цену не привираем. Очки в рекламе не втираем» (Tele2 в рекламе ...). В данном случае используется слово «привирать», имеющее разговорную стилистическую окраску. Приставка *при-* со значением прибавления используется для выражения характеристики ценовой политики оператора связи, создавая таким образом имидж честного оператора. Используется также разговорное выражение «втирать очки», имеющее значение «обманывать, вводить в заблуждение». Можем заключить, что данные рекламные тексты рассчитаны, вероятно, на аудиторию молодежную, не требовательную к высокому стилю текстов рекламных роликов.

Рекламный образ, создаваемый при помощи изобразительно-выразительных средств, достаточно динамичен и подвижен. Использование в рекламных текстах стилистически окрашенной лексики помогает создать уникальный, запоминающийся образ товара, зафиксировать данный образ в сознании потребителя, благодаря чему, покупатель уже не сможет остаться равнодушным к конкретному продукту. Так же это помогает акцентировать сильные стороны или же преимущества товара по сравнению с другими, и создать определенную атмосферу, направленную на главную цель производителя конкретного продукта. Все это создает дополнительную экспрессию и воздействует на психологическое восприятие потребителя.

ЛИТЕРАТУРА

Беданоква З.К. 2016. Рекламный текст как отражение активных процессов в лексической системе русского языка // Вестник Адыгейского государственного университета 1, 192–194.

Бердышев С.Н. 2008. Рекламный текст. Методика составления и оформления. Москва: Дашков и К.

Ефремов В.И. Как говорить в рекламе на понятийном языке? URL: www.shapovalov.org/news/2014-03-27-2632 (2017. 02 мая).

Розенталь Д.Э. 2016. Лексика и стилистика. Правила и упражнения. Москва: Мир и образование.

Tele2 представляет новую рекламную концепцию // Advertology. Наука о рекламе. URL: www.advertology.ru/article122311.htm (2017. 01 мая).

Tele2 выпустила рекламу в стиле презентации Apple и с намеком на Стива Джобса. URL: vc.ru/p/tele2-jobs (2017. 10 марта).

МТС. Smart БЕЗЛИМИТИЦЕ. Безлимитные интернет и звонки на МТС. URL: www.youtube.com/watch?v=9j4AD_6CGjM&feature=youtu.be (2017. 05 марта).

Нагиев рассказал о безлимитице // Информационно-аналитическое агентство Content Review . URL: www.content-review.com/articles/35748/ (2017. 27 апр.).

Tele2 в рекламе «очки не втирает» // Tele2Life. URL: tele2life.ru/1/content/view/680/ (2017. 01 мая).

В. МАЯКОВСКИЙ И Н. АСЕЕВ. «УЧИТЕЛЬ» И «УЧЕНИК» ИЛИ ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ?

Аннотация. В статье рассматриваются творческие взаимосвязи В. Маяковского и его «собрата по футуризму» Н. Асеева; анализ поэтических текстов с привлечением культурно-исторического, сравнительно-исторического и герменевтического методов позволяет сделать вывод о том, что художественные миры поэтов содержат много общих черт. Это касается явного тематического единодушия, проявленного обоими поэтами (а общими для них явились темы: антивоенная, революции, социалистического строительства и т.п.), причиной которого послужило не ученическое заимствование Асеевым литературных тем и находок Маяковского, а общественная атмосфера – созидательный пафос молодого советского государства. Подтверждает данный вывод и тот факт, что и в творческой биографии Маяковского имели место случаи обращения к поэтическим находкам Асеева (в частности, в области художественной образности и рифмы) и использования их в собственных произведениях.

Ключевые слова: В.В. Маяковский; Н.А. Асеев; футуризм; художественный мир; взаимообогащение.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: kultisheva@inbox.ru.

О.М. Kultysheva

V. MAYAKOVSKY AND N. ASEEV. «TEACHER» AND «PUPIL» OR RELIGION?

Abstract. The article deals with the creative interrelationship between V. Mayakovsky and his «fellow on futurism» N. Aseev; the analysis of poetic texts with the involvement of cultural-historical, comparative-historical and hermeneutic methods allows us to conclude that the artistic worlds of poets contain many similarities. This concerns the explicit thematic unanimity shown by both poets (and the themes common for them were the anti-war, the revolution, the building of socialism, etc.), the reason of which was not the student's borrowing of Aseev's literary themes and the discoveries of Mayakovsky, but the public atmosphere was the creative pathos of the young Soviet state. This conclusion is confirmed by the fact that in the creative biography of Mayakovsky there have been instances of appealing to Aseev's poetic finds (in particular, in the field of artistic imagery and rhyme) and using them in his own works.

Key words: V.V. Mayakovsky; N.A. Aseev; futurism; artistic world; mutual enrichment.

About the author: Kultysheva Olga Mikhailovna¹, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University.

Обзорное изучение литературы по проблеме взаимоотношений двух «собратьев-футуристов» – кубофутуриста В. Маяковского и «центрифугиста» Н. Асеева, в конце концов объединивших свои творческие усилия под эгидой Лефа, – показывает, что из всех единомышленников Маяковского фигура Асеева видится большинству исследователей наиболее близкой ему – мировоззренчески и поэтически¹. Особо подчеркивается факт взаимного уважения между поэтами. Так, большинство авторов приводят в подтверждение своего вывода об уважительном отношении Маяковского к творчеству Асеева слова поэта из стихотворения «Юбилейное» (1924):

...есть
у нас
Асеев
Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя (Маяковский 1957а: 53)

Трактуются эти слова Маяковского также примерно одинаково: мол, глава Лефа признает талант Асеева, считает его равным своему («хватка у него моя») и предвидит большое поэтическое будущее Асеева («этот может»). Своеобразным резюме высказываниям подобного типа служит исчер-

¹ См., например: Васильев 1963; Зелинский 1963; Кирсанов 1963; Култышева 2005: 130; Раков 1976: 152–181; Тычина 1963; Шкловский 1974: 7–142.

пывающая фраза Шкловского из его воспоминаний «О Маяковском»: «Он любил Асеева <...> и движение советской поэзии вперед» (Шкловский 1974: 123).

В. Шкловский четко обозначил и безоговорочно дружественную позицию Асеева по отношению к Маяковскому. Так, вспоминая историю одновременного опубликования в журнале «Новый Леф» поэм Маяковского «Хорошо!» (1927) и Асеева «Семен Проскаков» (1928) – стихотворных примечаний к настоящей биографии партизана – формалист оценивает положительно оба произведения («Большие стихи» (Шкловский 1974: 136). Однако не были так единодушны другие рецензоры: «Первое нападение было на Асеева. Травили его статьями «Лит. халтура». <...> Потом Асеева начали хвалить, говорили, что он первый поэт страны, что он лучше Маяковского» (там же). Несмотря на резкий перепад настроений критиков, Асеев не успокоился похвалой и выступил в защиту Маяковского: «Асеев на диспуте (о названных поэмах – О. К.) встал с Маяковским рядом и говорил о неразрушимой дружбе поэтов» (Шкловский 1974: 136).

Общее единодушие несколько нарушает факт, на который обращает внимание В. Раков в очерке «Творческая дружба», посвященном творческим взаимоотношениям Маяковского и Асеева. Внимание исследователя обращает на себя вторая – ироническая – часть отзыва Маяковского об Асееве из стихотворения «Юбилейное» («о ней почему-то критика умалчивает» (Раков 1976: 153):

Но ведь надо

заработать сколько!

Маленькая,

но семья (Маяковский 1957а: 53).

Нельзя не согласиться с исследователем, что «в этих словах <...> довольно определенно указана та опасность, которая подстерегала Асеева, мешая ему развернуться в первоклассного поэта <...> литературная спешка, недостаточная шлифовка написанного» (Раков 1976: 153). Против литературного прагматизма и за тщательную обработку «стиховой продукции» Маяковский не раз высказывался в своих публицистических статьях («О мелочах» (1923), «Как делать стихи?» (1926); это был один из принципиальных моментов и в его личном поэтическом творчестве (как известно, поэт «делал» свои стихи – в частности, по много раз менял варианты рифмовок: «Я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало. В результате моя рифмовка почти всегда необычайна и уж во всяком случае до меня не употреблялась», – писал Маяковский в статье «Как делать стихи?» (Маяковский 1959: 106), поэтому поэт не мог себе позволить оставить без внимания склонность Асеева к литературному прагматизму, хотя последний действительно был одним из самых близких друзей по жизни и единомышленников в творчестве.

Лефовец Асеев – «правая рука» главы Лефа Маяковского – не всегда придерживался в творчестве левоэстетических позиций. Будучи студентом Коммерческого института в Москве, он увлекся поэзией и перешел вольнослушателем на филологический факультет университета, где познакомился с символистом Ф. Сологубом, «Иваном Калитой русского символизма» В. Брюсовым и младосимволистом А. Белым. Поэтому неудивительно, что первые сборники Асеева – «Ночная флейта» и «Зор», изданные в 1914 году, – носили на себе отпечаток поэтики символизма. Сам Асеев, вспоминая о роли поэтов-символистов в формировании своей ранней поэтической манеры, писал: «Стихи моей первой книжки <...> решали формальные задачи стихотворчества. В ней были строки, полемически обращенные против Брюсова. Но многие «просодии» этого сборника были сочинены под влиянием брюсовских теорий» (Асеев 1959: 199). Поэтому неудивительна резко негативная реакция на появление сборника Асеева «Ночная флейта» со стороны набиравшего силу футуризма. «Первый журнал русских футуристов» на основе ознакомления со стихами сборника делает вывод об отсутствии у Асеева поэтического дара: «Может быть, у г. Асеева много скрытых талантов, но совершенно ясно, что к поэзии они не имеют ни малейшего отношения» (Первый журнал русских футуристов 1914: 141).

Сближение Асеева с футуристами произошло на почве его активного участия с 1911 г. в издательстве «Лирика», из которого вскоре выделилась литературная группа «Центрифуга». Однотипником Асеева становится знакомый ему еще по годам учебы в университете Б. Пастернак. А в 1915 году Асеев знакомится с В. Маяковским и В. Хлебниковым, изучает эстетические и поэтические декларации кубофутуризма и безоговорочно принимает их. С этих пор Асеев пишет произведения, выдержанные в подчеркнуто-футуристическом духе, а некоторые из них носят явно подражательный характер относительно «вещей» Маяковского того времени. Так, например, в новых сборниках Асеева одним из ведущих становится мотив неприятия окружающего мира («...окна столпившихся хижин / покрыты кровью. / А ночь от восточного склона / недвижными машет крылами: / дыхание тем-

ного лона / над нами» (Асеев 1963: 33). Поэт выражает недовольство современным городом, образ которого являет собой враждебную по отношению к человеку силу. Образ этот обнаруживает явное сходство с образом «адища города», появившимся в поэзии Маяковского в 1913-м году в одноименном стихотворении:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.
А там, под вывеской, где сельди из Керчи –
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечеряющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки... (Маяковский 1955: 55).

Ср. у Асеева:

Разве шагнуть с холмов,
трудно и выйти на поле,
если до губ полно
и слезы весь Кремль закапали?
Разве одной Москвой
желтой живем и ржавою?
Мы бы могли насквозь
небо пробить державою.

(«Проклятие Москве» (1916) (Асеев 1963: 73)

Общим для Маяковского и Асеева явился и мотив неприятия войны. Известно, что в годы первой мировой войны Маяковский неоднократно выступал антимилитаристом, требуя от деятелей искусства «сказать о войне правду». Для себя поэт решил: «Чтобы сказать о войне, – надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности» («Я сам», 1922.1928) (Маяковский 1955: 22). Отрицательное отношение Маяковского к войне как к национальной катастрофе выразилось в его стихах («Война объявлена», «Мама и убитый немцами вечер», «Вам!», поэма «Война и мир»). В стихотворении «Вам!» (1915) поэт противопоставлен той части общества, которая старается не замечать войны-бойни:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как Вам не стыдно о представленных к Георгию
Вычитывать из столбцов газет?! (Маяковский 1955: 75)

А основной идеей дооктябрьской поэмы «Война и мир» (1915–1916) является несопоставимость никакой победы с тем, чем она достигается. В гиперболических, даже физиологически-чувственных образах поэт пишет об ужасе истребления человека человеком:

Куда легендам о бойнях Цезарей
перед былью,
которая теперь была!

<...>

... выбежала смерть
и затанцевала на падали,
балета скелетов безногая Тальони.

(Маяковский 1955: 220, 228)

В 1915-м же году был призван на военную службу и Асеев. Личное участие в военных действиях позволило Асееву утвердиться в своем протесте против войны и милитаризма как такового. В. Раков отмечал сходство антимилитаристских стихов Асеева тех лет с антивоенной лирикой Маяковского: «Мировая война усиливает протестующий пафос поэзии Асеева, вносит в нее ноты, сближающие ее с творчеством раннего Маяковского» (Раков 1976: 158). Свидетельство тому – такие стихи, как «Повея война (Вступление)» (1916), в котором Асеев размышляет о двух войнах – русско-японской и Первой Мировой. В стихотворении создан образ «рассерженного грузина», что «на небо синее грозил, / светло отплеываясь сталью» (Асеев 1967: 91). Образ этот вызывает ассоциации с образом «Петрова поручика», созданным Маяковским в стихотворении «Вам!»:

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напевае Северянина! (Маяковский 1955: 75)

Еще большее сходство обнаруживаем между стихотворением Маяковского «Вам!» и стихотворением Асеева «Боевая сумрова», поскольку и в том, и в другом ставятся вопросы, обращенные к «высшему» слою общества, поощрявшему начало войны и игнорирующему ее кровавый ход:

Давно ли сами вы буйно кликали
конницу от востока?..
С горячим грохотом железных сковород
вас отрезвит ли военный случай?..
Не завтра ль, выданы смертельным сумеркам,
пойдете к песням вы и к молитвам?.. (Асеев 1915: 75)

О факте одобрительного восприятия Маяковским антивоенных стихов Асеева свидетельствует сам поэт, рассказывавший в 1933 году в московском Литературном музее о своих встречах с Маяковским в военном 1915 году следующее: «Я читал свои антимилитаристские стихи. Маяковский радовался: «Нашего полку прибыло». Предложил участвовать во «Взял» (Цит. по: Харджиев 1997: 154). Об общей тональности антивоенной лирики Маяковского и Асеева свидетельствуют и явные текстовые заимствования, произведенные Маяковским в последней части поэмы «Война и мир» (1916) из стихотворения Асеева «Боевая сумрова» (1915). Ср.: у Асеева:

Пядь за пядью все реже, реже там
Встают, шатаясь, *озябшие кости*,
Кричат: вы горы, зажатые скрежетом
Зубов железных, – на нас не бросьте (Асеев 1915: 75).

И у Маяковского:

«Клянись,
больше никого не скосите!»
Это *встают* из могильных курганов,
Мясом обрастают *хороненные кости*.

(Маяковский 1955: 236)

Помимо общей для поэтов антимилитаристской тематики приведенные стихи Асеева демонстрируют и характерные для Маяковского и футуризма в целом словотворческие эксперименты, о чем свидетельствуют их заглавия: «Повей вояна», «Боевая сумрова». Маяковский в футуристский период тоже отдает дань футуристическому «словотворчеству»: «ораненный» («От усталости», 1913), <ночь> «излюбилась» («Адище города», 1913), <голос> «урóдился» («Война объявлена», 1914) и т.д. Однако, если Асеев демонстрирует, скорее, тенденцию к футуристическим экспериментам по созданию всеобщего «заумного» языка, то Маяковский отдает дань неологизаторству, находящемуся в пределах словообразовательных традиций русского языка.

Помимо мотива неприятия современного города и антивоенной темы общей для Асеева и Маяковского явилась тема революции. Как известно, на сторону Октябрьской революции Маяковский становится без колебаний: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня <...> не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось» («Я сам», 1922. 1928) (Маяковский 1955: 25). В марте 1919 года Маяковский переезжает из Петрограда в Москву, где начинает сотрудничать в РОСТА (Российское телеграфное агентство), оформляя как поэт и художник агитационно-сатирические плакаты «Окна РОСТА». Попутно выступает в «Газете футуристов» и «Искусство коммуны», пишет прореволюционные стихи («Революция (Поэтохроника)» (1917), «Сказка о красной шапочке» (1917), «Наш марш» (1917) и др.).

Асееву, как и Маяковскому, не приходилось долго размышлять над вопросом, принимать или не принимать революцию. Попав в ходе первой мировой войны в качестве солдата во Владивосток, Асеев осел в городе. Там же, на Дальнем Востоке, поэт встретил и известие о революции. О его революционной активности в те годы красноречиво свидетельствует уже тот факт, что он был избран в полковой Совет солдатских депутатов. Затем – сотрудничество в советских газетах, участие в литературной группе «Творчество», издание поэтического сборника «Бомба» (Владивосток, 1921). «Бомба» Асеева явилась стихотворным откликом на революцию. Название ее оказалось точным. Книгу Асеева действительно сравнивали с бомбой, брошенной в лирический студень. Она – подстать эпохе декре-

тов и кожаных курток. Это книга громких деклараций и митинговых жестов. В ней – романтический пафос нового мира, строгий маршевый ритм (сравнимый со стихотворением Маяковского «Наш марш» (1917), кумачовая колористика и революционная риторика:

Заводы, слушайте меня –
Готовьте пламенные косы:
В России всходят зелена
И бредят бременем покоса!

(«Россия издали» (1910) (Асеев 1967: 116)

Приведенные факты из пореволюционной биографии и творчества Асеева ярко свидетельствуют о безоговорочномприятии поэтом темы революции своей главной лирической темой в те годы. Поэтому несколько странно выглядят некоторые заявления В. Ракова об Асееве, сделанные в очерке «Творческая дружба». Исследователь творчества Маяковского говорит о восприятии Асеевым революционных свершений как неожиданных, точнее, не ожидаемых: «...если для Маяковского она (революция – О. К.) пришла как долгожданная, то для Асеева ее приход не был столь ясен. Он понимал, что жизнь несет его в сторону нового, но это новое еще не было мирознанием» (Раков 1976: 161). Т.е. Асеев, считает Раков, не воспринимает революцию органической частью самого себя, целью своего творчества, а во многом вынужден принять ее как свершившийся факт.

Однако хочется возразить исследователю, внутренняя неуверенность Асеева в справедливости революционных преобразований в стране неизменно породила бы фальшь в революционных стихах поэта. Книга «Бомба», напротив, – хотя местами наивно, простовато – искренне утверждает революционные идеалы. Демократическая печать остро почувствовала это: газета «Дальневосточная трибуна» и журнал «Печать и революция» горячо приветствовали новую книгу Асеева. В противоположном же критическом лагере книга вызвала неприятие, а когда на Дальнем востоке временно установилось белогвардейское правительство, большая часть тиража «Бомбы» была уничтожена.

Среди приветствовавших революционную «Бомбу» Асеева был и В. Маяковский. Получив экземпляр «Бомбы» лично от автора, он, по свидетельству составителей библиографического словаря «Русские писатели, XX век», прислал в ответ свою книгу с надписью: «Бомбой взорван с удовольствием. Жду руку – за!» (Русские писатели, XX век 1998: 94). Именно Асеев стал активнейшим проводником идей и поэтики Маяковского в культурной жизни Приморья тех лет. Так, он читал лекции о футуризме, публиковал новые произведения Маяковского; именно благодаря Асееву владивостокские читатели познакомились с «Мистерией Буфф» и поэмой «150 000 000» почти синхронно с петроградцами и москвичами.

В 1922 году Асеев возвращается в Москву и входит в литературную группу ЛЕФ, которую возглавил Маяковский, сотрудничает в журналах «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ», становится практически «правой рукой» Маяковского в ЛЕФе: выступает вместе с Маяковским, издает в соавторстве с ним шесть книжек агитационных стихов. Большинство исследователей творчества Асеева утверждает единство взглядов Асеева и Маяковского на Леф², хотя творческие позиции двух лефовцев вскоре обнаружили явное противоречие. Так, одной из причин ухода Маяковского из Лефа послужил тот факт, что «Новый Леф» явился, по сути, обновленной редакцией футуристического журнала «Искусство коммуны» (1918 – 19) и перестал соответствовать поставленной при создании группы задаче создания «литературы факта». В докладе «Левей Лефа» (29 сентября 1928 г.) Маяковский говорил о причинах непонимания массовым читателем творчества лефовцев: «Словесное мастерство Лефа <...> еще слишком часто замкнуто пределами отвлеченного изобретательства в слове. Таким изобретателем поэтического языка был Хлебников – с него начинал Леф. Тогда в составе Лефа возможны были и заумники. <...> «Самовитое слово» – пройденный этап» (Маяковский 1955: 505–506). Маяковский ставит перед левым движением следующую первостепенную задачу: «Леф должен признать контроль читателя и сделать свое мастерство массовым. <...> Ближайшая задача Лефа – целиком идти к массовому читателю, закрыв за собой двери самодовлеющей лаборатории слова» (Маяковский 1955: 506). Однако Асеев, увлекавшийся словотворчеством до революции, и в бытность лефовцем продолжал эксперименты в русле футуристической теории «заумного» языка. Тяготая к поиску и эксперименту со словом и текстом, Асеев испробовал в своем творчестве различные литературные находки – стилизацию древнерусских мотивов, заимствования из Гофмана, Гумилева, Блока, хлебниковские сло-

² «Отношение Асеева к Лефу во многом напоминает позицию Маяковского», – пишет В. Раков в очерке «Творческая дружба» (Раков 1976: 164).

весные опыты (так, одна из послереволюционных книг Асеева называлась «Избрань»). В. Раков справедливо отмечает: «Поэтическая практика Асеева <...> показывает, что все <...> значительное, что он создал, противоречит лефовской теории «литературы факта» (Раков 1976: 164), за которую ратовал руководитель Лефа. С этим противоречием, по мнению исследователя, связаны и множественные «идеологические ошибки» Асеева в период лефовства. Исследователь отстаивает свою точку зрения на Асеева как на морально не готового принять революционные перемены и отталкивается от нее, проводя в очерке «Творческая дружба» анализ таких двух похожих поэм Маяковского и Асеева, как «Про это» (1923) и «Лирическое отступление» (1924). Справедливо отмечая тематическую близость поэм («Пафос обеих поэм – в разоблачении мещанства, цепко осевшего в семейном быту: «Не приемлю, ненавижу это все. / Все, что в нас ушедшим рабым вбито...»). Асеев также не приемлет

Мир суровый, мир лиловый,
страшный, мертвый мир былого,
мир, где от белья и мяса
тучи тушами дымятся...» (Раков 1976: 164),

исследователь обращает внимание на принципиальное отличие между поэмами. Отличие это, якобы, состоит в следующем. Маяковский безоговорочно верит «всей сердечной мерою» в возможность преодоления мещанского застоя в ближайшем будущем, и тому свидетельство – строки:

... вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.
До того, что кажется –
вот только с этой рифмой развяжись,
и вбежишь
по строчке
в изумительную жизнь.

(Маяковский 1955: 181)

В поэме же Асеева «такой веры нет: <...> его лирический герой готов сдать свои позиции, «отступить». <...> Растерянность Асеева перед мещанством вызвана неправильным пониманием нэпа. <...> Поэт с грустью писал:

Как мне вырастить жизнь иную
сквозь зазывы лавок,
если рядышком –
вход в пивную
от меня направо?» (Раков 1976: 166).

Однако неуверенность по отношению к нэпу, явленная в поэме Асеева, еще не есть личная неуверенность поэта в преобразованиях советской власти. Известно, что субъект, за которым закрепляется лирическое высказывание, в литературоведении определяется как лирический герой. Часто лирический герой – это созданная поэтом лирическая биография, и она не тождественна реальной биографии автора (хотя может отражать отдельные ее моменты). Можно сказать, что лирическое содержание – в данном случае неуверенность в необходимости нэпа и в возможности искоренения старого быта – является не обязательно следствием реальных сомнений поэта, а скорее отражает мнение множества людей. Это отличие между лирическим героем поэмы Асеева и самим поэтом тонко почувствовал Маяковский, о чем свидетельствуют его слова в защиту друга от нападков в адрес «Лирического отступления»: «В то время как по линии экономической и политической мы стоим на твердой почве, в области быта мы еще середка на половинку» (Маяковский 1955: 282–283).

Кроме того, творчество самого Маяковского показывает, что он не очень-то придерживался требования «литературы факта», за которое публично ратовал. Так, вроде бы в период «Нового Лефа» Маяковский поддержал этот принцип в поэме «Хорошо» (1927) («Ни былин, ни эпосов, ни эпосей»), но знание «из реки по имени Факт» (Маяковский 1957b: 104). Однако содержание поэмы противоречит теории фактографической литературы. В поэме Маяковский прибегает к широким обобщениям, художественному вымыслу, который сочетается с действительным отражением событий. И этой схеме так или иначе соответствуют все произведения Маяковского.

Е.Б. Тагер в статье «О стиле Маяковского» пишет: «Давно было отмечено <...> пристрастие Маяковского к использованию в стихах собственных имен. <...> Разумеется, эта черта поэтики Маяковского ничего общего не имеет с принципом «фактографии», который пропагандировали теоретики «Лефа», противопоставляя «факт» художественному вымыслу. В художественной системе Маяковского

го пристрастие к собственным именам является лишь частным приемом, задача которого – создать ощущение единичности описываемого явления и тем самым утвердить своеобразный пафос точности изображения, не терпящего никакой приблизительности и условности» (Тагер 1988: 248 – 249, 251).

Единомышленником Маяковского в «реабилитации» вымысла был и Асеев. В книге «Зачем и кому нужна поэзия» он писал: «Маяковский, а вслед за ним и я не очень-то усваивали эту теорию («фактографии» – О. К.); нам было жаль отказываться от воображения, «глупая вобла» которого все-таки была куда съедобней для работы, чем всяческий <...> новаторский проект» (Асеев 1961: 292).

Как бы то ни было, несмотря на противоречия во взглядах на задачи Лефа, в середине 1920-х годов творческие связи Асеева и Маяковского упрочились. Вместе они участвуют во множестве изданий (Маяковскому, а в компании с ним и Асееву с радостью предоставляют свои страницы газеты «Комсомольская правда», «Рабочая Москва», «Рабочая газета», «Вечерняя Москва», «Правда», «Известия», «Ленинградская правда», журналы «Молодая гвардия», «Октябрь», «Красная новь», «Огонек», «Крокодил», «Бузотер» и «Чудак»). Асеев сам отмечал неоценимую поддержку поэта в своей публицистической деятельности: эту работу «возглавлял Маяковский, неотступно, как пароход баржу, буксируя меня всюду с собой» (Асеев 1959: 92).

Тематические предпочтения поэзии Асеева и Маяковского этих лет также являют собой сходство. Однако, в отличие от В. Ракова, который пишет, что поворот Асеева к героическому эпосу произошёл «не без влияния Маяковского, особенно его поэмы «В. И. Ленин» (Раков 1976: 168), мы считаем, что тенденцию к такому переходу являла собой вся советская действительность середины 20-х годов. Как и Маяковский (а не в подражание Маяковскому!), Асеев находит своего героя на лесах новостроек, призывает учиться поэзии у станка и комбайна. В 1925 году он пишет поэмы «Двадцать шесть» и «Свердловская буря», стихи и циклы стихов «Электриада», «Курские края», «Песня о нефти», в которых развиваются идеи причастности к народной жизни, трудовому коллективизму. Вдохновение поэта навеяно мужеством будничного созидательного труда рабочих, в образах которых Асееву видится характерный для эпохи героизм. Так, в поэме «Свердловская буря» поэт создает образ свердловца-коммуниста, плечом к плечу с которым он сидит «над верным вождем, над Ильичем», перенимая у него мудрость новой жизни. Образ этот вызывает ассоциации с созданным Маяковским в 1924 году в поэме «В. И. Ленин» образом лирического героя, который себя «под Лениным» «чистит», «чтобы плыть в революцию дальше», но не является его зеркальным отражением. То же самое можно сказать о поэмах «Хорошо!» (1927) и «Семен Проскаков» (1928), посвященных одному и тому же историческому событию – 10-летию Октябрьской революции. Нельзя утверждать, что поэма Асеева была написана в подражание поэме Маяковского, потому что в честь юбилейной даты увидели свет множества и множества произведений, с похожим чувством воспевавших революцию и свершения советской власти за 10-летний период правления в стране.

Более того, в противовес мнению об Асееве как о поэте, во многом подражательном по отношению к Маяковскому, имеется документально зафиксированное свидетельство о том, что и Маяковский перенимал кое-какие поэтические находки Асеева. Так, в книге «Кому и зачем нужна поэзия» Асеев вспоминает один разговор с Маяковским:

«← Асейчиков! Продайте мне строчку!

– Ну, вот еще, торговлю затеяли!.. <...> Какая же строчка?

– А вот у вас там в беспризорном стихе: «от этой грязи избавишься разве».

– <...> Ладно, берите, пользуйтесь.

Строчка, чуть варьированная, вошла в одно из стихотворений об Америке, гораздо позже написанных» (Асеев 1961: 304–305). Асеев имеет в виду «Блек энд уайт», написанное Маяковским в 1925 году под впечатлением визита в Америку:

От этой грязи скроешься разве?

Разве что

стали б

ходить на голове,

и то

намели бы

больше грязи:

волосьев тыщи,

а ног –

две (Маяковский 1957b: 21).

взметенное
в чистой
июньской
несношенной голубизне (Асеев 1967: 519–520).

Автор поэмы рисует деятельность своего героя как подвижническую, восхищаясь его преданностью искусству. Справедливости ради следует отметить, что во многом Асеев идеализирует, схематизирует личность Маяковского.

Выступая при жизни Маяковского в защиту его от нападков критики³, после смерти друга Асеев продолжил в поэме страстную полемику с противниками Маяковского, подчеркнув значение поэта для литературы и судьбы страны в целом. Образ Маяковского являлся одним из любимых поэтических образов Асеева и на протяжении последних лет его жизни (поэт скончался в 1963-м году). Так, в 1950-м году были написаны дополнительные главы поэмы «Маяковский начинается», а в 1961-м году свет увидела книга «Зачем и кому нужна поэзия», в которой наряду с образами других поэтов (таких, как Есенин, Хлебников, Твардовский, Светлов и др.) создан колоритный образ Маяковского «глазами друга и единомышленника».

Подводя итог сказанному, отметим, что, несмотря на распространенное мнение о ровных творческих взаимоотношениях Маяковского и Асеева и неоднократно зафиксированные примеры уважительных высказываний поэтов о творчестве и личности друг друга, нельзя не замечать и существование между ними разногласий. Так, в стихотворении «Юбилейное», похвалив талант и перспективы творческого роста Асеева, Маяковский находит нужным указать другу на недопустимость ни при каких обстоятельствах «литературной спешки», или «литхалтуры» в погоне за количеством стихов. Считая одним из необходимых составляющих творчества тщательную «шлифовку» написанного, Маяковский требует этого и от несомненно талантливого поэта Асеева.

В период пребывания обоих поэтов левовцами обнаруживаются разногласия иного рода. Несмотря на то, что одной из главных задач Лефа было создание «литературы факта», творчество Асеева в указанный период во многом являло собой расхождение с ней в пользу художественного вымысла и футуристической теории «заумного» языка. И хотя глава Лефа, как подтверждает анализ его произведений, сам не всегда следовал поставленной задаче, тем не менее, в публичных выступлениях он требовал неукоснительного следования ей.

Наконец, остается добавить, что, несмотря на явное тематическое единодушие, проявленное обоими поэтами (а общими для них явились темы: антивоенная, революции, социалистического строительства и т.п.), думается, его причиной послужило не ученическое заимствование Асеевым литературных тем и находок Маяковского – по крайней мере, после революции – а общественная атмосфера – созидательный пафос молодого советского государства. В пользу подобного вывода говорит и тот факт, что и в творческой биографии Маяковского имели место случаи обращения к поэтическим находкам Асеева (в частности, в области художественной образности и рифмы) и использования их в собственных произведениях. Поэтому в данной связи, скорее, можно говорить о взаимобогащении, нежели чем об одностороннем заимствовании и отношениях «учитель» – «ученик».

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев Н.* 1915. Весеннее контрагентство муз. Москва: Издательство «Студии» Д. Бурлюка и С. Вермель.
Асеев Н. 1931. Об отношении Ленина к Маяковскому // На литературном посту 10.
Асеев Н. 1959. Молодая гвардия 6.
Асеев Н. 1961. Зачем и кому нужна поэзия. Москва: Советский писатель.
Асеев Н. 1959. Моя жизнь // Советские писатели. Автобиографии: в 2-х т. Т. I. Москва: Советский писатель.
Асеев Н.Н. 1963. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1910–1927. Москва: Издательство художественной литературы.
Асеев Н.Н. 1967. Стихотворения и поэмы / Урбан А. (вступ. ст. и сост.). Ленинград: Советский писатель.
Бонч-Бруевич В.Д. 1931. Ленин о поэзии // На литературном посту 4.
Васильев С. 1963. Подвиг поэта // Литературная газета, 18 июля.
Зелинский К. 1963. Памяти друга // Литературная газета, 18 июля.
Кирсанов С. 1963. В последний путь // Литературная газета, 20 июля.

³ «Асеев на диспуте (о поэмах «Хорошо!» и «Семен Проскаков» – О. К.) встал с Маяковским рядом и говорил о неразрушимой дружбе поэтов», – вспоминал В. Шкловский (Шкловский 1974: 136).

Култышева О.М. 2005. В. Маяковский и литературные группы и объединения 1910 – 1920-х годов. Москва: МГОУ.

Литературное наследство. 1958. Новое о Маяковском. Москва: АН СССР.

Маяковский В.В. 1955. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1957а. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1957б. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1958. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 8. Москва: Гослитиздат.

Маяковский В.В. 1959. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. Москва: Гослитиздат.

Первый журнал русских футуристов. 1914. №1-2.

Раков В.П. 1976. Маяковский и советская поэзия 20-х гг. Учебное пособие для студентов филологических специальностей педагогических институтов. Изд 2-е, перераб. и доп. Москва: Просвещение.

Русские писатели, XX век. 1998. Биобиблиографический словарь. В 2 ч. Ч. I. А – Л / Скатов Н.Н. (ред.). Москва: Просвещение.

Тагер Е.Б. 1988. Избранные работы о литературе. Москва: Советский писатель.

Тычина П. 1963. Это был поэт... // Литературная газета, 20 июля.

Харджиев Н.И. 1997. Статьи об авангарде: В 2 т. Т. 2. Москва: РА.

Шкловский В.Б. 1974. Собр. соч.: В 3 т. Москва: Художественная литература.

УДК 81.373.43

С.А. Никишина

СЛОВА С ПРИСТАВКОЙ АНТИ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье освещены вопросы, касающиеся особенностей употребления в русском языке лексем с приставкой **анти-**. Сплошной выборке были подвергнуты дериваты с префиксом **анти-**, зафиксированные в общем и газетном подкорпусах Национального корпуса русского языка (НКРЯ), употребление которых относится к периоду с января по август 2014 г. Определены наиболее частотные частеречные и тематические разряды исследуемых языковых единиц, отражающие современные реалии. Предпринята попытка охарактеризовать лексемы как элементы словообразовательной системы языка, выявить их парадигматические связи. Отмечаются отдельные случаи использования префикса **анти-** в окказиональном словообразовании, его семантизации, изменения стилистической окраски производящих слов. Зафиксировано вовлечение лексем с префиксом **анти-** в сферу вторичной номинации. Используется обширный иллюстративный материал.

Ключевые слова: приставка (префикс); продуктивность и регулярность аффикса; дериваты; имена прилагательные; имена существительные; сфера употребления; окказиональное словообразование; вторичная номинация.

Сведения об авторе: Никишина Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартовского государственного университета.

Контактная информация: 628611, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: nikishina_svetla@mail.ru

S. A. Nikishina

WORDS WITH A PREFIX OF ANTI- IN RUSSIAN

Abstract. The article covers issues concerning the use of lexemes with an anti- prefix in Russian. Samples were subjected to derivatives with the prefix «anti», fixed in the general and newspaper subcorps of the National Corpus of the Russian Language (NKRN), the use of which refers to the period from January to August 2014. The most frequent partial and thematic categories of the studied language units reflecting modern realities. An attempt has been made to characterize lexemes as elements of the word-forming system of language, to reveal their paradigmatic connections. Some cases of using the prefix anti-in occasional word-formation, its semantization, changes in the stylistic coloring of producing words are noted. It is fixed the involvement of lexemes with the anti- prefix in the sphere of the secondary nomination. The extensive illustrative material is used.

Key words: prefix; productivity and regularity of the affix; derivatives; adjectives; nouns; sphere of use; occasional word formation; secondary nomination.

About the author: Nikishina Svetlana Alekseevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Department of Philology and Mass Communications Nizhnevartovsk State University.

Слова с иноязычными элементами получили большое распространение в русском языке, особенно в публицистике, быстро реагирующей на изменения в обществе и потребности обозначать но-

вые реалии. Среди наиболее употребительных иноязычных префиксов сегодня числится греческий префикс **анти-**, который в качестве продуктивного словообразовательного аффикса используется при образовании существительных и прилагательных.

В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» его значение определяется следующим образом:

1. Словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением противоположности, противодействия или враждебности тому, что названо мотивирующим именем существительным (*антивещество, антидемократизм, антиискусство, антикритика, антициклон* и т.п.) (Ефремова 2005: 51).

2. Словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением признака, который характеризуется противоположностью по отношению к качеству, названному мотивирующим именем прилагательным (*антибактериальный, антивражеский, антигитлеровский, антиисторический, антимонархический, антинаучный, антиобщественный, антипринципальный, антипросвещенский, антирелигиозный, антифашистский, антифункциональный, антиэкзототный* и т.п.) (Ефремова 2005: 52).

И в том и в другом случае отмечается регулярность и активность этой словообразовательной единицы, особенно в общественно-политической и научно-технической терминологии (Ефремова 2005: 51–52).

В начале XXI века число слов с префиксом **анти-** резко увеличилось. Сплошной выборке были подвергнуты дериваты с префиксом **анти-** (омонимия снята вручную), зафиксированные в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), употребление которых относится к периоду с января по август 2014 г.

В количественном отношении «лидируют» с большим отрывом имена прилагательные, значительно меньше представлены существительные, единично употребляется наречие. Наиболее употребительны (количество словоупотреблений указывается в скобках) лексемы, относящиеся к **сфере политики и общественной жизни**, их частотность отражает актуальность обозначаемых ими направлений, реализуемых государствами во внутренней и внешней политике:

I. Антимонопольный (297), антироссийский (193), антитеррористический (186), антикоррупционный (168), антиправительственный (104), антитабачный (99), антипиратский (78), антиконституционный (50), антинаркотический (44), антивоенный (40), антикризисный (40), антиотмывочный (32), антирусский (28), антисемитский (22), антисоветский (22), антидопинговый (21), антифашистский (20), антиамериканский (17), антидемпинговый (14), антигейский (10), антигосударственный (10), антидемократический (8), антикриминальный (7), антимайданный (7), антипутинский (7), антиэкстремистский (7), антиалкогольный (6), антигитлеровский (6), антигуманный (5), антизападный (6), антимайдановский (5), антидискриминационный (5), антинародный (5), антиофиорный (5), антиеврейский (4), антиобщественный (4), антипатриотический (4), антидемократичный (3), антикиевский (3), антикитайский (3), антикоммунистический (3), антинациональный (3), антиолигархический (3), антиолимпийский (3), антипедофильский (3), антиреволюционный (3), антиукраинский (3), античеловеческий (3), антиасадовский (2), антиблогерский (2), антииранский (2), антикавказский (2), антикапиталистический (2), антилиберальный (2), антипартийный (2), антипедофильский (2), антиполицейский (2), антипрезидентский (2), антирежимный (2), антифранцузский (2), антияпонский (2), антиболотный (1), антигрузинский (1), антигуманистический (1), антидевальвационный (1), антидиффамационный (1), антижурналистский (1), антиизраильский (1), антииммигрантский (1), антиимперский (1), антиинфляционный (1), антиисламский (1), антиисторический (1), антикартельный (1), антиколониальный (1), антикомиссионный (1), антиконсервативный (1), антикурительный (1), антииммигрантский (1), антимичурицкий (1), антиконкурентный (1), антинацистский (1), антипанический (1), антипатерналистский (1), антипивной (1), антипреступный (1), антипропагандистский (1), антипротестный (10), антирадикальный (1), антирасистский (1), антирейдерский (1), антиренессансный (1), антисемейный (1), антисистемный (1), антиславянский (1), антисодомитский (1), антисоюзный (1), антисталинский (1), антицерковный (1), антишотландский (1), антиэмигрантский (1).

II. Антимайдан (40), антисемитизм (37), антирейтинг (25), антимонопольщик (21), антихрист (16), антимайдановец (14), антирекорд (10), антигерой (9), антисемит (9), антифашизм (8), антитабачник (7), антиамериканизм (5), антимир (5), антифашист (5), антикоммунист (4),

антикоммунизм (3), антипатриот (3), антисоветчик (3), антитеррор (3), антиамериканист (2), антиволокно (2), антиконституционность (2), антикоррупционер (2), антимиряне (2), антироссийскость (2), антисемитка (2), антисоветизм (2), антисталинист (2), антифа (шисты) (2), антибольшевизм (1), антибуржуазность (1), антигимн (1), антиглобализм (1), антидержавник (1), антидопинг (1), антиевропеизм (1), анти-Запад (1), антикиллер (1), антиклерикал (1), антиксенофобия (1), антилидер (1), антinationалист (1), антиозеленитель (1), анти-Обама (1), антипремия (1), антипропаганда (1), антиреакция (1), антиреволюционность (1), антирусскость (1), антисандинист (1), антисионист (1), антисистема (1), антитерроризм (1).

Как видим, в сфере политики активно используются лексемы, отражающие столкновение интересов разных стран и народов, представителей разных конфессий: *антироссийский (193), антирусский (28), антиамериканский (17), антизападный (6), антикиевский (3), антикитайский (3), антиукраинский (3), антикавказский (2), антигрузинский (1), антиизраильский (1), антииранский (2), антиисламский (1), антиславянский (1), антифранцузский (1), антихристианский (1), антицерковный (1), антишотландский (1), антияпонский (1).*

Абсолютными «рекордсменами» 2014 г. стали прилагательные *антимонопольный (297), антироссийский (193), антитеррористический (186), антикоррупционный (168)*, отражающие «болезни» точки нашей политики и экономики: санкции, коррупция, терроризм.

Государство в преддверии кризиса предпринимало попытки изменить финансовую и экономическую ситуацию в стране, о чем свидетельствует употребительность прилагательных: *антимонопольный (297), антикоррупционный (168), антиотмывочный (32), антидемпинговый (14), антиофшорный (5), антидевальвационный (1), антиинфляционный (1), антикомиссионный (1), антирейдерский (1).*

В сфере языка публицистики ярко прослеживается тенденция к «очеловечиванию» суконых названий законов, газетные номинации которых, приобретая характер устойчивых сочетаний, отражают их основное содержание, привнося иногда оценочную коннотацию: *антиблогерский, «антигейский», антиотмывочный, антипиратский, антитабачный (закон); «антикартельный», антипивной (законопроект); антимонопольное, антиофшорное, антипедофильское (законодательство).*

Наука и технология как сферы употребления дериватов с префиксом **анти-** представлены меньшим количеством употреблений:

I. Антивирусный (9), антибактериальный (6), антивандалный (5), антиблокировочный (2), антисанитарный (2), антиатомный (1), антибуксовочный (1), антигистаминный (1), антидымовой (1), антиклинальный (1), антиколорадский (1), антикомариный (1), антимикробный (1), антيناучный (1), антиобледенительный (1), антипожарный (1), антирикошетный (1), антискиминговый (2), антиспамерский (1), антифродовый (1), антицеллюлитный (1), антиэкологичный (1), антиядерный (1).

II. Антибиотик (19), антиутопия (17), антисанитария (14), антициклон (8), антиплагиат (7), антитело (6), антиген (5), антипод (5), антишина (4), антидепрессант (3), антитеза (3), антикрыло (2), антивирус (1), антивич (1), антигриппин (1), антикульминация (1), антисептика (1), антисептик (1), антиспид (1).

III. Антилогично.

Общепотребительная лексика: *антидом (1), антиелки (1), антистол (1), антиулица (1), антиюмор (1).*

В группе лексем с элементом **анти-** обнаруживаются и фрагменты словообразовательных гнезд, объем и продуктивность которых определяется насущностью и злободневностью обозначаемых ими реалий: *антисемитизм (37), антисемитский (22), антисемит (9), антисемитка (2); антимайдан (40), антимайдановец (14), антимайданный (7), антимайдановский (5); антифашистский (20), антифашизм (8), антифашист (5), антифа(шисты) (2); антитеррористический (186), антитеррор (3), антитерроризм (1); антикоммунист (4), антикоммунизм (3), антикоммунистический (3); антимонопольный (297), антимонопольщик (21); антироссийский (193), антироссийскость (2); антитабачный (99), антитабачник (7).*

Продуктивность префикса **анти-** подтверждается парадигматическими отношениями дериватов: паронимическими (*антидемократический – антидемократичный; антигуманный – антигуманистический*) и синонимическими (*антигейский – антипедофильский*).

Сегодня префикс **анти-** вовлекается в сферу окказионального словообразования, прежде всего за счет использования производящих слов с несвойственной для этой словообразовательной модели стилистической окраской (*антижлоб* (*жлоб – прост., презр.*), *антипиратский* (*пират – перен. разг.*), *антигейский* (*гей – разг. или жарг.*)) и грамматическими признаками (*антиволочкова*, *анти-Обама* – в качестве производящих слов выступают антропонимы).

Префикс **анти-** семантизируется и становится самостоятельным компонентом аббревиатуры: **АТО** – антитеррористическая операция: *Накануне в Киеве прошел митинг с требованием введения на Донбассе военного положения и возобновления АТО*; **АЖО**: *Если это верно, то от киевских властей следует ожидать целой антижурналистской операции (АЖО), чтобы навсегда отвадить российских (и не только российских) журналистов от мест боевых действий и дальше уже орудовать без свидетелей.*

Использование в качестве анафоры префикса **анти-**, генетически не имеющего эмоционально-экспрессивной окраски, становится ярким стилистическим средством, показывающим абсурдность происходящего: *Люди живут в антимире, в антидоме на антиулице, иза антистолом у них сидит антисемит с нашивкой «Правого сектора.*

Дериваты с **анти-** вовлекаются в сферу вторичной номинации и используются в качестве имен собственных: *Отметим, что ранее центр прогнозов МЧС «Антистихия» заявил, что в Москве велика вероятность повторения ситуации 2010 года, когда столица была окружена плотным смогом из-за тления торфяников; Сам он позиционирует эту картину как «Антитёлки», а читавшие сценарий утверждают, что он уморительно смешной.*

Таким образом, исследование распространения префикса **анти-** в современном русском языке подтверждает его востребованность. Присоединяясь к уже известному в языке слову, он легко справляется с задачей фиксации новых реалий и выражения личного отношения к обозначаемому.

Как отмечалось нами ранее, современный мир сложен, противоречия и конфликты между отдельными людьми, социальными сообществами и странами обостряются, и в языках возникает необходимость для номинации многочисленных направлений многомыслия и антагонизма. Оптимальным средством обозначений, отражающих дисгармонию общества, противостояние человека и природы, реалий мира, раздираемого агрессией и войнами, стал греческий префикс **анти-** (Никишина, Лукас 2016: 94).

ЛИТЕРАТУРА

Ефремова Т.Ф. 2005. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 слово-обр. единиц. 2-е изд., испр. Москва: Астрель.

Никишина С.А., Лукас В.А. 2016. Элементы с лексемой анти- в современном русском языке // Коричко А.В. (отв. ред.) / Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартского государственного университета: Статьи докладов. Нижневартовск: НВГУ, 91-94.

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorgora.ru/ (2016. 15 дек.)

УДК 821.161.1

А.В. Себелева¹, Е.Н. Рымарева²

МИФОЛОГЕМА БОГИНИ-МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ОБСКИХ УГРОВ

Аннотация. В статье рассматривается взаимообусловленность терминов «мифологема» и «архетип», объясняется сущность их восприятия сознанием различных этносов, аргументируется постулат, утверждающий, что мифологические представления о мире схожи у многих народов нашей планеты, и одинаковые или весьма похожие образы встречаются в мифологиях разных культур. Мифологемы, являясь составным элементом мифотворчества, являются базовой моделью для создания на их основе новых мифов, они не только вбирают в себя опыт прошлого, но и актуализируют реальность. При этом мифологемы объединяют в одном пространстве архаическое мышление и индивидуально-авторское мифотворчество. Мифологемы составляют сущностную основу текста, это воплощение динамики первичного материала, обладающего уникальным свойством трансформации. Сознательно заимствованные мифологические мотивы, трансформированные в художественную культуру, составляют понятие литературного термина «мифологема».

Во всех мифологиях мира можно наблюдать поклонение Богине-Матери, главному женскому божеству. Авторы обосновывают положения о том, что мифологема Богини-Матери характерна различным культурным традициям и не имеет национальной и временной принадлежности, что связано с восприятием женщины, как

производящей жизнь. Одинаковость сюжетов, связанных с образом Богини-Матери и зафиксированных в мифологиях различных этносов, доказывает устойчивость мифологема в истории развития мировой культуры. Эта мифологема, воплощенная в творчестве разных народов, является одним из самых повторяющихся конструкторов. В мифологии ханты и манси мифологема Богини-Матери воплощена в образе жены бога Нуми-Торума, женщины-матери, культ которой является одним из самых древнейших на земле.

Ключевые слова: мифология обских угров; архетип; мифологема Богини – Матери; культурная традиция; миф.

Сведения об авторах: Себелева Анастасия Валериевна¹, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета; Рымарева Елена Николаевна², аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: ¹628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: sebelevaa@mail.ru¹; e-mail: RimarevaEN@vartanet.ru².

A.V. Sebeleva¹, E. N. Rimareva²

GOD-MOTHER MITHOLOGEM IN THE ART OF OB UGRIC PEOPLE

Abstract. The paper explores interconditionality of the terms mythologeme and archetype. Explaining the essential ways of their perception by different ethnoses, the article maintains that similar mythological world views are common to different peoples thus bearing and manifesting identical characters and images. Together, these images and characters make a certain part of human soul and appear as basic concepts – archetypes. Mythologemes, a component part of mythogenesis, with their ability to absorb past experiences and foreground reality are a basic pattern to create new myths. Mythologemes amalgamate archaic thinking with the author's individual mythopoetics. Mythologemes are an essential foundation of the text, they epitomize the dynamics of the archetypal source matter with its unique ability to transform. Mythological elements consciously borrowed and translated into artistic culture make the cornerstone of a mythologeme as a literary term.

All mythological world views manifest worship of God-Mother, the main female deity. The paper argues that God-Mother mythologeme is a part and characteristic of various cultural traditions. It neither affiliates a certain culture nor belongs to a particular period of time. The paper links it to the perception of a woman as a cradle of life. The similarity of plots employing God-Mother witnessed in many mythologies, demonstrate the foundation strength of this mythologeme in the world culture history. This mythologeme epitomized in many ethoses is one of the most recurrent constructions.

In Khanty-Mansi mythology this mythologeme is embodied in the female deity, Numi-Torum's wife, Mother-deity whose cult is one of the most ancient in the world.

Key words: the mythology of the Ob Ugrians; archetype; the myth of the Mother Goddess; cultural tradition; myth.

About the authors: Sebeleva Anastasia Valerievna¹, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology of Mass Communications Nizhnevartovsk State University; Rymareva Elena Nikolaevna², post-graduate student of the Department of Philology and Mass Communications of Nizhnevartovsk State University.

Базируясь на архетипах, мифологема в контексте литературы как вида искусства составляют сущностную основу текста. Это развернутые и логически структурированные образы архетипов, продукт воображения и интеллектуальной интуиции, выражающий неразрывность образа и формы. Они воспринимаются сознанием человека в контексте со всем существующим и задают векторную линию повествования.

Мифологема, являясь составным элементом мифотворчества, который используется для построения образов и сюжетов, становятся базовой моделью для создания на их основе новых литературных мифов, они не только вбирают в себя опыт прошлого, но и актуализируют реальность. При этом мифологема объединяют в одном пространстве архаическое мышление и индивидуально-авторское мифотворчество.

Мифологема по сути своей – модификации, видоизменения одной и той же сущности. Этой сущностью является архетип – некое инвариантное ядро, основа мифологических сюжетов и мотивов. В.Н. Топоров считает, что мифологема имеет свои этноспецифические особенности, а архетип не обладает ими. «Для каждого этноса характерен свой набор мифологем. Мифологема не может быть сведена к конкретному мифу, она может быть только реконструирована» (Иванов, Топоров 1975: 61).

Природа «мифологема» амбивалентна. Это и мифологический материал, и почва для его образования. Искусство мифологии в известной степени определяется именно своеобразием материала, основная масса которого сохраняется традицией с незапамятных времен. Мифология – это воплоще-

ние динамики этого первичного материала, обладающего уникальным свойством трансформации. Сознательно заимствованные мифологические мотивы, трансформированные в современную художественную культуру, составляют понятие литературного термина «мифологема».

Мифологические представления о мире схожи у многих народов нашей планеты, и одинаковые или весьма похожие образы встречаются в мифологиях разных культур, порой не связанных ни исторически, ни географически. Все эти образы составляют некую единую сферу общечеловеческой души и являются собой базовые понятия.

Во всех мифологиях мира можно наблюдать поклонение Богине-Матери, главному женскому божеству. Эта традиция восходит к древнейшим временам эпохи Палеолита. Связано это с восприятием женщины, как производящей жизнь. Эта мифологема, воплощенная в творчестве разных народов, является одной из самых устойчивых и повторяющихся конструктов. Человеческая цивилизация начиналась с преклонения женскому началу, культ почитания женщин запечатлен во многих древних верованиях. Это и христианская Дева Мария, и греческая Афродита, и славянская богиня Макошь, и Исида Древнего Египта. В мифологии ханты и манси эта мифологема воплощена в образе жены бога Нуми-Торума (Торума), женщины – матери, культ которой является одним из самых древнейших на земле.

По отношению к ней применяется множество эпитетов: мать земли, мать нижнего неба, общая мать, бабушка земли, пробуждающая и рождающая. В мансийском фольклоре она наделена эпитетами «золотая», «светящаяся», «сближающаяся с утренней зарей» (Трубецкой 1906: 50-65). Эти эпитеты напрямую свидетельствуют о связи Богини-матери с сакральным миром, потому как аналогичными эпитетами наделен и Нуми-Торум, белый бог золотого дома. «У отца Нуми-Торума есть прекрасное золототравное место, есть золототравное святое место» (Karjalainen 1907: 102).

Главная миссия Калтащ-эква заключается в том, чтобы оберегать рожениц и детей, следить, чтобы они не совершали плохих поступков, были здоровы, помимо этого она заботится о несчастных и бедных. Именно она, согласно этиологическим мифам остяков, вдохнула душу в деревянные фигурки людей, вырубленные старшим сыном Торума, натолкнула на мысль укрепить землю горным поясом самого Торума.

Калтащ-эква была женой Торума и родила ему на небе шестерых сыновей и дочь. Но впоследствии она была изгнана мужем на землю. А вот история ее изгнания трактуется по-разному, что, скорее всего, связано с рождением этих версий в разных фратиях. Мифическим предком Пор являлся медведь Ялп-ус-ойка, по мнению В.Н. Черенцова соотносимый с Нуми-Торумом, а основательницей рода Мось являлась Калтащ-эква. По одной из версий жену Торум изгнал за то, что она изменила ему с его родным братом Куль-Отыром, хранителем нижнего мира. Но существует и другая версия, принадлежащая мансийскому народу. Тихон Иванович Номин, старый манси, рассказывал, что виной тому был сам Торум, не сумевший понять, кто есть кто. Он по совету матери взял в жены Этпос-ай, дочь Луны, но злая колдунья Кирт-нелп-эква перевоплотила свою среднюю дочь в Калтащ-эква, и та стала подобна жене Торума. Попросила ненастоящая жена вместо золотого дома построить дом из костей птиц и рыб, но помешала реализации этого плана мудрая сова, прилетевшая к Торуму. Не разобравшись, кто настоящая жена, а кто перевоплощенная, Торум скинул за косы через отверстие в небе на землю настоящую жену. Напоследок сказала ему Этпос-ай: «Что, муженек, делаешь? У нас ведь дочь будет, и сын будет... А кем я на земле буду – от сына потом узнаешь» (Гемуев 2000: 4). Правда, это сказание не соответствует общераспространённому мифу о том, что семь из восьми детей Торума были рождены на небе, и лишь один на земле.

Что касается первой версии, найти параллели этому сюжету в других мифологиях не составляет особого труда. У балтов сохранился миф о красавице Вайне, сбежавшей в день своей свадьбы от небесного бога Перкунаса к своему возлюбленному, подземному богу Велнясу. За это Громовержец Перкунас сослал ее на землю, превратил в Богиню земли Жемину. Схожий сюжет о противостоянии Перуна и Велеса имеется в славянской мифологии. Они оказываются непримиримыми соперниками в борьбе за Матерь-Землю. Похож на образ Куль-Отыра саамский Перкель из мифов индоевропейских народов. Эта одинаковость сюжетов доказывает устойчивость мифологемы Богини-Матери и архетипичность образа Калтащ-эква.

О своей земной миссии Калтащ-эква говорит старухе Мис-не так: «На земле будут люди жить, и будут пубы (духи) их охранять. А эти дети взрослыми будут. Я пока прощаюсь. Я на земле буду, я – Калтащ-эква, людям буду помогать, женщинам помогать» (Гемуев 2000: 64). В этом мифе она первоначально предстает в образе тряпичной куколочки.

Но как же на самом деле выглядит Богиня-Мать? Одна из ипостасей – красивая молодая женщина с длинными золотыми косами, которые сравниваются длиной по горизонтали с семикратной Обью, а по вертикали с расстоянием от Луны до Земли, из кос ее расходится дневной свет и в них же возникает лунный. В одной из мансийских песен говорится о том, что по одной косе Богини-матери поднимается соболь, а по другой спускается бобер. Эти косы напоминают о Мировом дереве и Мировой реке, которые соединяют все миры Вселенной. Соболев стремится к кроне, а бобер к воде. Место у подножия Мирового дерева, у семи берез, считалось обителью Калтащ-эквы. А в одном из мифов, очень схожим по сути с эстонскими и мордовскими мифами, она сидит на Мировом дереве в образе птицы, высиживая яйцо, из которого появилась первая женщина – прародительница.

Изображение Калтащ-эквы этнографам попадает редко. По воспоминаниям И.Н. Гемужева, собиравшего экспонаты для Музея истории и культуры народов Сибири, на чердаке заброшенного дома в Хурум-пауль – мансийском селении на р. Ляпин – ему посчастливилось найти антропоморфное изображение метровой высоты. «Это и была Калтащ-эква. Этот фетиш раньше хранился в лесу, в специальном амбарчике – ура-сумях. Однако незадолго до смерти хозяин дома, желая быть ближе к своим богам, перевез их в селение и поместил на чердаке своей избы» (Гемуев 2000: 67). В одном сундуке с ней лежала серебряная утка искуснойковки. Причина, по которой оба тотема хранились вместе, становится очевидной, если знать, что одной из ипостасей Богини-Матери является гусыня, а гусь и утка в мансийском фольклоре синонимичны, так как обе птицы водоплавающие.

В призывной песне к Калтащ говорится:

На спину животного, спину имеющего (лошадь) она опускается,

В хорошем облике золотистой гусыни опускается (Гемуев 2000: 64).

Также Богиня-мать может предстать в образе зайца, об этом говорится в песне-призыве, записанной В.Н. Чернецовым:

Летний заяц, нежная женщина,

Осенний заяц, нежная женщина... (Чернецов 1939: 2)

Традиционно белый цвет – символ принадлежности к высокому миру. Калтащ-эква всегда словесно рисовалась в белых одеждах.

Манси придавали образу Богини-Матери особое значение, в ней совмещались черты предка фратии Мось (у них этот тотемный предок являлся в образах зайца или золотой гусыни), матери-земли, жизнеподательницы.

Вот как определяется ее роль в одной из песен:

В истрепанной одежде многими

ее бедняжечками

Она призывается...

В истрепанной одежде многие

ее бедняжечки

Горькими слезами плачутся,

В истрепанной обуви многие

ее бедняжечки

Горькими просьбами ее домогаются...

Если который человек с коротким веком есть,

(Долгий) век ему наказывает,

Если которая женщина с коротким веком есть,

(Долгим) веком ее одаривает.

Если без счастья в лесном (промысле) человек какой,

Счастье ему наказывает,

Если без счастья в (промысле) водяной рыбы человек какой есть,

Счастьем в (промысле) водяной рыбы одаривает... (Гемуев 2000: 68–69)

Само имя Богини-Матери переводится как «пробуждающая», «рождающая», «создающая». Таким образом, она по отношению ко всем манси является покровительницей рожениц и младенцев. Б. Мункачи писал: «...Беременная женщина... молится женщине Калтащ, чтобы ребенок родился вовремя и здоровым и не совершил какого-нибудь плохого поступка» (Munkacsí 1910: 61). Богиня-мать отвечает за ребенка и после его рождения, вплоть до наступления возраста самостоятельности, поэтому положено трижды преподносить ей жертвенные подношения: сразу после рождения, через несколько лет, когда ребенок еще считается мальцом, и перед тем, как достигнет половозрелого возраста.

та. В этом заключается ее роль жизнеподательницы. К слову, от нее зависела и судьба человека после смерти, именно она решала, в ком из потомков должен повториться, возродиться умерший. Как мать-земля она выступает, когда говорят о ее роли в сотворении мира и создании человека.

В домах ханты и манси разрешалось держать символические образы многих духов, но не Калтащ-экви. Потому что это завещано самой Богиней-Матерью. Вот что говорит она, обращаясь к своему любимому сыну: «С сегодняшнего дня люди образуются. Сестры твоей образ люди будут в домах держать, а меня – нельзя. А тебе имя Эква-пырищ – Мир-сусне-хум. Ты землю будешь объезжать, за людьми смотреть. Ты с людьми строго обходишься, чтоб они подчинялись. Раньше Богу, а теперь – тебе. И отцу скажи, чтоб он знал. Тебя (твой образ) тоже можно дома держать, как и сестру, а меня нельзя, я же общая мать. Мис-хумов (изображения) тоже можно дома держать и Мис-не. И мис-хумов еще будут в лесу ставить, им на охоте пурлахтын (бескровное жертвоприношение, пищевая жертва) будут делать» (Гемуев 2000: 65–66).

Мир-сусне-хум, младший, седьмой сын Торума, смотрящий за миром людей, был рожден Калтащ-экви по одной из версий во время ее падения из верхнего мира в средний прямо в воздухе между небесами, по другой – на земле. Она всегда выделяла младшего сына, во время конных состязаний между всеми детьми Торума Калтащ-эква помогла ему одержать победу и таким образом обрести власть над миром людей.

Очень близка по значимости в угорской мифологии и богиня огня, Огонь-мать Най-щань, Най-эква. В ее честь ханты проводят ежегодный праздник, во время которого устраивают кровавое жертвоприношение и исполняют обряд дарения красной ткани матери огня (бросают ткань в костер). Правда, зона ответственности этой богини гораздо уже: дом, дети, очаг, то есть практически все, что связано с огнем и жилищем. У Най-щань есть специально посвященное культовое место (аращ кан), которое посещают только женщины. Культ матери-покровительницы, связывающий этих двух богинь, является очень устойчивым в мифологии ханты и манси.

Восточные ханты богиней – жизнеподательницей считали Анки-Пугос, дочь (по некоторым источникам мать) Нуми-Торума. Она в виде птичек посылает души деток во чрево будущих матерей, когда детки рождаются, она дарит им «кильт», жизненную силу. Ребенок способен видеть Пугос и даже говорить с ней, поэтому не разрешается громко разговаривать, лепечет, чтобы не спугнуть Богиню-Мать. Неверная жена может быть наказана Пугос трудными родами и даже рождением уродца. Мордовская богиня-родовспомогательница Анге-Патяй очень похожа на Анки-Пугос. «Ее описание у Мельникова-Печерского казалось некоторым исследователям неправдоподобным, сочиненным литератором XIX в., но сходство мордовской богини-родовспомогательницы и хозяйки душ с ее обско-угорской «коллегой» все же заставляет нас убедиться в точности приводимых русским писателем сведений» (Петрухин 2005: 181).

Боги и Богини не знают географических и национальных границ, потому их образы архетипичны и весьма схожи в мифологиях разных культур и народов. Русская богиня Макошь и вогульская Калтащ-эква, к примеру, также оказываются во многом схожи: обе тесно связаны с представлением о судьбе, обе связаны с водой и землей (Б.А. Рыбаков в своей работе «Язычество Древней Руси» утверждает: «Макошь («Мать урожая» Мокошь) – древняя богиня земли («Мать-сыра-земля») и плодородия») (Рыбаков 1981: 47). В.Я. Петрухин в своей работе, посвященной мифологии финно-угров, пишет о Калтащ-экке: «Она воплощала земные воды (низовья Оби)» (Петрухин 2005: 181).

Триединство образа Калтащ-экви у обских угров является результатом исторического развития мифологемы о Богине-Матери. Архетип этого мифологического персонажа реализует древнейшее представление о значении матери в жизни человека и о роли женского начала в жизни общества. Ментальной сущности обских угров характерна отнесенность или родство с определенным божеством. Местные пантеоны и культовые традиции обладают огромным этнокультурным потенциалом, являются мифологизированными коммуникативными перекрестками. Один из таких перекрестков – прекрасная мифологема о Богине-Матери, оставленная предками нам в наследие.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.В. Топоров В.Н. 1975. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Мелетинский Е.М. (сост.). Типологические исследования по фольклору. Сборник статей пам. В.Я. Проппа. Москва: Наука, 44–75.

Трубейкой Н.С. 1906. К вопросу о Золотой бабе // Этнографическое обозрение 1–2, 50–65;

Karjalalnen K. F. Die Religion der Jugra – Völker. – Porvoo, 1922. – Bd 2. – P. 179. (Перевод Н.В. Лукиной). URL: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st004.shtml> (2017. 01 мая).

Karjalalnen K.F. Die Religion... – Bd 2, – P. 171–176; Munkácsi B. Die Weltgottheiten der Wogulischen Mythologic// Keteti Szemle, 1907, – Bd 8. – P. 102). URL: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000034/st004.shtml> (2017. 01 мая).

Гемуев И.Н. Народ манси: Воплощение мифа. URL: dereksiz.org/narod-mansi-voploshenie-mifa.html ((2017. 01 мая).

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20 – 42. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1808925983?lc=ru> ((2017. 01 мая).

Munkácsi B. Jstenek hösi ènekel, regèl es idezö igè I. – Budapest, 1910. – S. 61. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1808925983?lc=ru> ((2017. 01 мая).

Петрухин В.Я. 2005. Мифы финно-угров. Москва: Астрель: АСТ: Транзиткнига.

Рыбаков Б.А. 1981. Язычество Древних славян. Москва: Наука.

УДК 82.091

О.Н. Шинкевич (Катренко)

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РАННИХ ПОВЕСТЯХ А. И. КУПРИНА

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности архетипического портрета и его функционирование в ранних повестях А. И. Куприна «Молох» и «Олеся». Актуальность данного исследования заключается в неоднозначном подходе к феномену литературного портрета, выражающемся в многообразии типологий, а также в особенности его функционирования в раннем творчестве А. И. Куприна.

Результаты исследования позволили утверждать, что в раннем творчестве А. И. Куприн обращается к мифопоэтике, реализует архетипические образы, используя художественный прием портретирования. Литературный портрет стал объектом пристального внимания исследователей начиная с XXвека. При этом однозначной и фундаментальной работы, посвященной этой теме, нет.

В ходе работы выяснилось, что при создании архетипического образа автором используется такой портрет персонажа, который можно назвать «архетипическим портретом», имеющим свои особенности: статичность, неизменность психологического состояния героя, характера на протяжении всей сюжетной линии произведения, а также детализированное описание внешности, максимально схожее с мифологическим образом (внешний портрет персонажа в точности совпадает с описанием мифологического божества в Мифологической энциклопедии). Характерологические качества мифологического божества трансформируются в образе персонажа и являются конечным доказательством присутствия в тексте архетипического образа.

Ключевые слова: архетип; архетипический портрет; архетипический образ; литературный портрет.

Сведения об авторе: Шинкевич (Катренко) Ольга Николаевна, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел.: 8(3466)273510; e-mail: olgakatrengo99@gmail.com.

O.N. Shinkevich (Katrenko)

FEATURES OF PORTRAYING ARCHETYPAL IMAGES IN THE EARLY NOVELLAS OF A.I. KUPRIN

Abstract. This article examines the features of the archetypal portrait and its functioning in the early novels of A.I. Kuprin «Moloch» and «Olesya». The relevance of this study lies in the ambiguous approach to the phenomenon of a literary portrait, expressed in a variety of typologies, and especially its functioning in the early works of A.I. Kuprin.

The results of the research made it possible to assert that in his early work A.I. Kuprin turns to mythopoetics, implements archetypal images, using the artistic method of portraying. The literary portrait has become the object of close attention of researchers since the XXth century. At the same time, there is no unambiguous and fundamental work devoted to this topic.

In the course of the work it became clear that when creating an archetypal image, the author uses such a portrait of the character, which can be called an «archetypal portrait» that has its own characteristics: static, unchanged psychological state of the character, character throughout the storyline of the work, as well as a detailed description of the appearance, maximally similar to the mythological image (the external portrait of the character exactly coincides with the description of the mythological deity in the Mythological Encyclopedia). Characterological qualities of the

mythological deity are transformed in the character's image and are the final proof of the presence in the text of the archetypal image.

Key words: archetype; An archetypal portrait; Archetypal image; Literary portrait.

About the author: Shinkevich (Katrenko) Olga Nikolaevna, post-graduate student Department of Philology and Mass Communications Nizhnevartovsk State University.

Литературный портрет персонажа стал пристальным объектом внимания литературоведов начиная с XX века и не теряет своей актуальности по настоящее время. Многообразие классификаций данного феномена говорит о незавершенности его исследования, острой актуальности и неисчерпаемости. Наряду с этим имеет смысл рассматривать литературный портрет и как единицу литературоведения и как художественный прием в произведении писателя. Портрет персонажа имеет свой длинный, интересный путь от времен античности и до наших дней. Наиболее важным, на наш взгляд, в данном исследовании представляется вариативность его трансформаций, многокомпонентность и многофункциональность. Отсюда, следует говорить об истоках данного феномена, которые содержатся в мифологической основе, а следовательно, в архетипах.

Исследователи убеждены: «Сила художника – в умении «говорить архетипами» (Большакова 2012). Исходя из толкования феномена «архетип», находим, что это – «древнейшие общечеловеческие символы, прообразы, лежащие в основе мифов, фольклора и самой культуры в целом и переходящие из поколения в поколение. Например: злая мачеха, добрая и прекрасная падчерица, благородный разбойник и т.д. (Литературный энциклопедический словарь 1987: 38).

Важно отличать понятия «архетип» и «архетипический образ». Архетип, являясь основой, трансформируется в представлении писателя и образует архетипический литературный образ. «Архетипический образ – это часть образа, независимая от внешнего восприятия, в которой проявляется архетип» (Кошкарлова 2010: 134).

Специфика функционирования архетипов в художественных произведениях очевидна: она зашифрована художественным мастерством писателя, и задача исследователя – отыскать первоначальную основу образа, хранящегося в сознательно-бессознательном уровне мышления, которая берет свой исток в психологии («Архетип – центральное понятие аналитической психологии» (Психологический словарь 2007: 55).

Многие произведения отечественной литературы XIX–XX веков явились тем объектом исследования, в которых трансформация и «зашифровка» культурных архетипов достигает наивысшей сложности. Такое явление неудивительно. С течением времени «происходит постепенный разрыв видимой связи новых символов с древнейшими архетипами коллективного бессознательного» (Кошкарлова 2010: 135). Наиболее чёткая визуализация архетипов находится в произведениях фольклорных жанров. Но, уже начиная со *сказки литературной*, первообразы функционируют в более сложной модификации: они, опираясь на фольклорные мотивы, образованы индивидуальным творчеством художника (примером может служить сказка В.А. Жуковского «Спящая царевна»). И, наконец, поиски архетипа в художественном произведении становятся наиболее сложными с появлением многообразия литературных жанров, где архетип завуалирован максимально, и доказательство его наличия в том или ином художественном полотне проблематично.

Исследуя литературный портрет, под которым «понимается изображение в художественном произведении всей внешности человека, включая сюда и лицо, и телосложение, и одежду, и манеру поведения, и жестикуляцию, и мимику» (Есин 2000: 50), стало возможным говорить о портрете *архетипическом*, как об устойчивом сложившемся образе со своей внешностью, поведением и характером, трансформирующимся со временем и имеющим свое отражение в различных архетипических образах.

Особенностью архетипического портрета является его статичность, неизменность характера героя на протяжении всей сюжетной линии произведения. К данному портрету, например, никогда нельзя будет отнести Раскольникова с его душевными скитаниями, раздвоенностью взглядов, смятением и раскаянием. К такому типу портрета можно отнести, например, образ Герасима, фольклорных персонажей.

Такой архетипический портрет можно встретить в произведении А. И. Куприна «Молох». Известно, что название данной повести означает «божество, упоминавшееся в Ветхом завете. Вавилоняне почитали это божество, заставляя своих детей – и девочек, и мальчиков – ритуально проходить

через огонь» (2 Цар. 23:10). Историческая точка зрения состояла в том, что детей сжигали заживо в качестве жертвоприношения Молоху.

Этого демона изображают уродливым созданием, с лицом вымазанным кровью, его главное наслаждение – пить слезы матерей (Мифологическая энциклопедия: 67). Исследователи Куприна олицетворяют данный образ с заводом – центральным местом производства, вокруг которого происходят события, разворачивающиеся в попытку восстания рабочего класса против тяжелых условий труда. Но не только неодушевленный механизм можно сравнить с данным божеством, «пожирающим» людские судьбы. Данный демонический образ Куприн прямо описывает в портрете персонажа Квашнина: «У Боброва что-то стукнуло в висках. На мгновение ему показалось, что это едет вовсе не Квашнин, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество, вроде тех идолов восточных культов, под колесницы которых бросаются во время религиозных шествий опьяневшие от экстаза фанатики» (Куприн 1957: 80). Описание портрета Квашнина в данном случае детально совпадает с мифологическим божеством, его грозностью, окровавленностью и уродливостью.

Следует отметить, что при знакомстве с Квашниным автор дважды упоминает слово «идол»: «Квашнин почему-то медлил сходить вниз и стоял за стеклянной стеной, с широко расставленными ногами и брезгливой миной на лице, похожий на японского идола грубой работы», «Заглянув случайно в лицо опередившей его Нины, Бобров с горечью заметил и на ее лице ту же улыбку и тот же тревожный страх дикаря, взирающего на своего идола» (Куприн 1957: 64).

Присутствие архетипического образа в произведении дополняет портрет толпы: «Вокруг его коляски выла от боли, страха и озлобления стиснутая со всех сторон обезумевшая толпа...» (Куприн 1957: 61). Именно толпа, без которой процесс идолопоклонничества невозможен, дополняет картину мифологического ритуала.

Пример архетипического образа, подкрепленный портретом толпы, также можно встретить на страницах повести «Олеся». Нежная, молодая, ранимая ведьма является чужой для общества, столкновение с толпой данного архетипического образа становится трагическим для персонажа: «Олеся остановилась, повернула к озверевшей толпе свое бледное, исцарапанное, окровавленное лицо» (Куприн 1957: 318).

Мастерски используя прием портретирования, Куприн при работе над архетипическими образами использует также *портрет-впечатление*, особенность которого заключается в «работе воображения читателя, при этом портретное представление автором минимизировано и заключено чаще в одном предложении» (Есин 2000: 51). Так описывается персонаж повести «Молох» Квашнин: «Лицо его ничего не выражало, кроме брезгливого утомления» (Куприн 1957: 42), далее – *портрет-описание* с элементами *портрета-впечатления*: «Лицо с обвисшими щеками и тройным подбородком, испещренное крупными веснушками, казалось заспанным и недовольным; губы складывались в презрительную, кислую гримасу» (Куприн 1957). При изображении толпы также используется *портрет-впечатление*.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что Куприн в ранних произведениях создаёт архетипические образы, при изображении которых используются архетипический портрет и портрет-впечатление.

ЛИТЕРАТУРА

Большакова А.Ю. 2012. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал № 1 (7). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 (2017. 25 апр.).

Есин А.Б. 2000. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Москва: Флинта; Наука.

Кошкарлова Ю.А. 2010. Архетипический образ как основа формирования ментальности. URL: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/4_88895.doc.htm (2017. 17 февр.)

Куприн А.И. 1957. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. Москва: Гослитиздат.

Литературный энциклопедический словарь. 1987. Москва: Советская энциклопедия, 752 с.

Мифологическая энциклопедия. URL: <http://myfhology.info/monsters/demons/m/moloh.html> (2017. 17 марта)

Психологический словарь. 2007. Москва: ОЛМА Медиа Групп; ОЛМА ПРЕСС Образование.

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 82

И.В. Бердникова¹, Т.А. Гущина²

ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА» (2011)

Аннотация. Данная статья раскрывает философские аспекты в романе Джулиана Барнса «Предчувствие конца». В статье выяснены особенности авторского стиля Джулиана Барнса и основная тематика его произведений. В статье затрагиваются философские категории времени, памяти, любви, личной ответственности, а также этическая проблема. Данное направление дополняется также рассмотрением взаимосвязи категорий любви и ответственности. Помимо этого в данной статье исследуются стилистические средства, использованные автором, как средство передачи скрытого смысла. Особое внимание в работе сконцентрировано на таких чертах постмодернизма, как многоуровневая организация текста, прием игры, аллюзии, цитирование и самоцитирование. В статье приведены аллюзии Барнса на таких известных философов XX века, как Альбер Камю, Фридрих Ницше и Людвиг Витгенштейн. Прибегая к взглядам данных философов на этическую проблему самоубийства, в статье предпринята попытка узнать возможные причины самоубийства героя. Кроме того, в статье затрагивается определение жанра романа «Предчувствие конца», который рассматривается и как философский роман, и как психологический детектив. В заключение обобщается взгляд авторов на роман «Предчувствие конца» и место, которое занимает философия в данном романе.

В качестве предмета данной статьи выступают характерные черты постмодернизма, которые служат для раскрытия основных тем философии XX столетия. Целью данной работы служит исследование влияния философских идей Альбера Камю и Фридриха Ницше на раскрытие основной темы в романе Джулиана Барнса «Предчувствие конца». Научная новизна и актуальности работы заключается в том, что роман «Предчувствие конца» представляет собой переплетение тонкого психологизма с глубоким философским подтекстом и является переходом на новую ступень литературы XXI века – литературы метамодернизма. В работе использованы метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа. Результатом работы является постмодернистский подход автора к решению этической проблемы самоубийства в романе: невозможно существование какого-либо единственно верного решения. Результаты могут быть применены на курсах по выбору на современной английской литературе, на лекциях по постмодернизму, на семинарах по стилистике и интерпретации текста. Философия в данном романе направлена на решение этической проблемы, а также является ответом на вопрос, что есть сам человек.

Ключевые слова: постмодернизм; философия; ответственность; любовь; память; цитирование; этическая проблема.

Сведения об авторах: Бердникова Ирина Владимировна¹, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Омского государственного педагогического университета; Гущина Татьяна Александровна², студент 5 курса кафедры английского языка Омского государственного педагогического университета.

Контактная информация: ¹644010, г. Омск, ул. Съездовская, д. 41, кв. 217, тел.: 89039833057; e-mail: iberdnikova@rambler.ru; ²644043 г. Омск, ул. Волочаевская, д. 17, кв. 118, тел.: 89136652677; e-mail: tanyulichka.1995@mail.ru.

I.V. Berdnikova¹, T.A. Gushchina²

PROBLEMATIC AND PHILOSOPHICAL CONTEXT IN JULIAN BARNES' POSTMODERNISTIC NOVEL «THE SENSE OF AN ENDING» (2011)

Abstract. The article discloses philosophic aspects in Julian Barnes' novel "The Sense of an Ending" (2011). The article defines the peculiarities of Julian Barnes' writing style and the main theme of his works. The interrelation of categories of love and responsibility is under consideration as well. The article touches upon philosophic categories of time, memory, love, personal responsibility, and ethical problems as well. This course is accompanied with the consideration of interconnection of categories "love" and "responsibility". Beyond that point stylistic devices, which the author applies to, are investigated as means of transfer the underlying meaning. In the article special attention is paid to such features of postmodern literature as multilevel structure of a text, playfulness, allusions, citation and self – citation. In the article there are used the allusions on works of such famous philosophers of XX century as Albert Camus, Friedrich Nietzsche and Ludwig Wittgenstein. Recoursing to these philosophers' views on the ethical problem of suicide, in the article is made an attempt to know possible causes of hero's suicide. Furthermore, in the article there are presented the speculations on the genre the novel "The Sense of an Ending: a philosophical novel and a psychological detective. In conclusion there could be identified philosophy in the novel.

The object of the article presents typical features of postmodern literature, which serve for disclosing the main themes of XX century philosophy. The aim of the article is to investigate the influence of Albert Camus and Friedrich Nietzsche's philosophic ideas on disclosing the main theme in the novel. The scientific innovation and topicality of the

work present that the novel “The Sense of an Ending” is the interlacement of subtle psychologism with deep philosophical implication, and represents the transition to new stage of literature XXI century – metamodernistic literature. The continuous sampling method and method of a contextual analysis are used in the article. The result of the article is Julian Barnes’ postmodernistic approach to the solution the ethical problem of suicide in the novel: it is impossible to have the only one right solution. The results may be used in free electives of literature XXI century, in lectures literature XX – XXI centuries, in seminars of stylistics and text interpretation. In this novel philosophy serves to solve the ethical problem, and presents the answer, what is a man.

Key words: postmodern; philosophy; responsibility; love; memory; citation; an ethical problem.

About the authors: Berdnikova Irina Vladimirovna¹, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the English language Omsk State Pedagogical University; Gushchina Tatyana Alexandrovna², 5th year student of the Department of the English language Omsk State Pedagogical University.

Джулиан Патрик Барнс (1946) – английский писатель – постмодернист, литературный критик, эссеист. Первый роман Барнса «Метроленд» (1980) был удостоен премии Сомерсета Моэма; за романы «Попугай Флобера» (1984), «Англия, Англия» (1998) и «Артур и Джордж» (2005) Барнс был номинирован на Букеровскую премию. Роман «Предчувствие конца» представляет собой лучшую работу Барнса, за которую он был удостоен Букеровской премии и номинирован на одну из наиболее авторитетных литературных премий Великобритании – премию Коста.

Проза Барнса элегантна, остроумна и игрива, в своем творчестве он прибегает к приемам постмодернизма: ненадежный рассказчик, смешение различных форм повествования, которые служат для выдвигания на передний план процесса литературного творчества, разрыв между опытом и языком, и субъективности «истины» и «реальности». Несмотря на игривые эксперименты с языком, стилем и формой, проза Барнса основывается на психологическом реализме, его темы серьезные, пронзительны и чувственны: он обращается к природе любви, особенно к ее темной стороне, исследуя склонность человека к ревности, одержимости и неверности, наряду с многолетними поисками истинной любви.

Постмодернизм – литературное направление, пришедшее на смену модерну и отличающееся от него не столько оригинальностью, сколько разнообразием элементов, цитатностью, погруженностью в культуру, отражающее сложность, хаотичность, децентрированность современного мира; «дух литературы» конца 20 в; литературы эпохи мировых войн, научно-технической революции и информационного «взрыва» (Журавлев 2017). Одной из характерных черт постмодернизма является интертекстуальность, которая может быть выражена различными приемами использования текста, такими как цитирование, самоцитирование. Особенно интересно представлено использование аллюзий, которые извлекают из известного образа дополнительную информацию.

В романе «Предчувствие конца» рассказывается о немолодом человеке, Тони Вебстере, который пытается переосмыслить свою жизнь. Первая часть романа происходит в 1960-х гг. в Лондоне, вторая – сорок лет спустя. Еще в школе Тони и двое его друзей знакомятся и сразу сближаются с полной своей противоположностью, Адрианом Финном. В дальнейшем их пути расходятся: Тони поступает в Бристольский университет, Адриан – в Кембридж. В университете у Тони появляется подруга, Вероника. Она знакомит Тони со своей семьей, в обществе которой он проводит неловкие выходные. Их отношения оказываются непродолжительными и они быстро расстаются. В свой последний год в университете Тони получает письмо от Адриана, в котором тот сообщает, что встречается с Вероникой и на что он просит разрешения. Тони расстроен, и поэтому отвечает на письмо в грубой форме. Спустя несколько месяцев Тони узнает, что Адриан покончил жизнь самоубийством, объясняя свой поступок тем, что жизнь – это дар, а он отказывается от этого подарка. Такое решение друга восхищает Тони.

Сорок лет спустя мать Вероники оставляет Тони в наследство 500 фунтов и дневник Адриана, что заставляет Тони восстановить контакт с Вероникой. После ряда встреч с Вероникой Тони понимает, что у Адриана был роман с матерью Вероники, которая позднее родила умственно отсталого сына. Теперь самоубийство Адриана видится ему в другом свете: он просто трус, который испугался ответственности.

Тематика романа затрагивает категории памяти и времени, ответственности человека за свои поступки, а также любви, которая для главных героев неотделима от страдания. В романе можно отследить, как время влияет на отношение к самоубийству Адриана, к разрыву с Вероникой. Процесс осмысления времени пронизывает весь роман. Категории памяти и времени связаны неразрывно: время, которое меняет героев, а также меняется само, и память, которая хранит поступки, и заставля-

ют переосмысливать нашу ответственность. Ответственность настолько сильную, что ни время, ни память не могут избавить нас от нее. Время стирает подробности, которые могли помочь главному герою переосмыслить свои поступки, но память сохраняет наиболее неприятные ощущения, поэтому и происходит драматизация воспоминаний, от этого и ответственность кажется намного серьезнее. Сам Барнс заявляет: «И когда – спустя много лет – мы узнаем, что наша настоящая ответственность была не в том, о чем мы думали, тогда мы страдаем от чувства вины и раскаяния. Роман также о нашем времени и о нашей памяти» (Басинский 2016).

Тема ответственности в романе отражена через дневник Адриана. Фрагмент дневника пробуждает у Тони забытые воспоминания и тем самым вызывает у него чувство вины. Тони соглашается с экзистенциальными взглядами Адриана: «Исходить надо из того, что ответственность лежит на тебе одном, конечно, если не доказано противоположное», он принимает мысль об индивидуальной ответственности (Барнс 2013: 78). Любовь также предполагает ответственность, которая в любви обнаруживается не как обязанность, но как прежде всего способность и готовность отвечать: «Любовь без ответственности является каким-то извращением. А голая ответственность без любви и гуманизма приводит к самопожертвованию» (Булатов 2017: 83). Понимание любви приходит к Тони тогда, когда он утратил любовь, и у него осталась лишь ответственность. Забота, ответственность, знание – качества, через которые любовь раскрывается как путь преодоления отчужденности и одиночества. Не осмыслив, что есть любовь, Адриан так и не смог преодолеть отчужденности общества, своих друзей.

В данном романе любовный треугольник: Тони, Вероника и Адриан в какой-то момент превращается в четырехугольник: мать Вероники. Задумываясь об этом позже, Тони боится признаться себе, что это он своим письмом толкнул Адриана в объятия матери Вероники:

«I looked at the chain of responsibility. I saw my initial in here. I remembered that in my ugly letter I had urged Adrian to consult Veronica's mother. I replayed the words that would forever haunt me. As would Adrian's unfinished sentence. "So, for instance, if Tony . . ." I knew I couldn't change, or mend, anything now» (Barnes 2011: 454).

Используя глагол *to urge* (побуждать), автор признает, что Тони советовал своему другу пообщаться с матерью Вероники, но при этом в романе нет никаких подтверждений, что именно эти слова Тони положили начало роману.

И не в этом ли винит его Вероника, называя полученное наследство «красными деньгами»:
«“Blood money?”

I looked at the words and couldn't make sense of them. She'd erased my message and its heading, not signed her reply, and just answered with a phrase. I had to call up my sent email and read it through again to work out that grammatically her two words could only be a reply to my asking why her mother had left me five hundred pounds. But it didn't make any sense beyond this. No blood had been spilt. My pride had been hurt, that was true. But Veronica was hardly suggesting that her mother was offering money in exchange for the pain her daughter had caused me, was she? Or was she?» (Barnes, 2011:245).

Используя метафору «no blood had been split» (ни капли крови не было пролито), автор пытается защититься от словесных нападок Вероники, а также от ее немого укора. Тони хочет убедить не только Веронику, но и себя в своей невинности. Но эпитафия “was she” указывает, что сам Тони не уверен в своей правоте.

Тони неоднократно повторяет фразу о неизбывной надежде человеческого сердца, которая заставляет Тони возвращаться к прошлому, разобраться в причинах смерти Адриана. В этой фразе присутствует отсылка к философскому эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе»: «С исчезновением осознанности и бунта улетучивается и абсурд. В человеческом сердце так много упрямой надежды» (Камю 2014: 95).

Многоуровневая организация текста в данном романе представлена цитированием и самоцитированием. Один из школьных друзей Тони, Алекс, до появления Адриана, считался среди них главным философом, так как он читал философские трактаты Бертрانا Рассела и Людвиг Витгенштейна, в то время как Адриан – Альбера Камю и Фридриха Ницше. Камю утверждает, что самоубийство – это согласие с собственными пределами (Камю, 2014: 7).

Осознание собственных пределов приходит Адриану еще в юности. Приняв философию Ницше и Камю, Адриан решается на самоубийство: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит, ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения,

руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно» (Камю, 2014:4). Ницше также поддерживает идею о самоубийстве: «Мысль о самоубийстве – сильное утешительное средство: с ней благополучно переживаются иные мрачные ночи» (Ницше, 2014: 157).

Возможно, что мысль о самоубийстве помогала Адриану пережить тяжелые времена: осуждение друга, непонимание общества, беременность подруги, а самое главное – осознание того, что его жизнь становится рутинной, как у всех. Для слишком рационализированного Адриана обыденность абсурдна. И он находит себе оправдание у Ницше, который считает, что самоубийство лежит в русле установки самого человека, если он вдруг понимает, что больше не может соответствовать себе.

Адриана тема самоубийства стала интересовать еще со школьных времен, он пытался осмыслить его рационально, это и является прямой аллюзией к эссе Камю «Миф о Сизифе», где он пишет, что его интересует «самоубийство как таковое» (Камю 2014: 4). Все это в конечном итоге подталкивает Адриана проверить на собственном опыте возможность самоубийства без примеси чувств. Аллюзии к образу Сизифа придают Адриану образ «абсурдного человека». Выходит, что самоубийство Адриана – это борьба интеллекта с реальностью.

Но есть и другая сторона этого поступка. Алекс часто вставлял в разговор известные фразы: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Витгенштейн 1958: 29). И на самом деле автор о многом умалчивает: как начались отношения Вероники и Адриана, действительно ли письмо Тони заставило Адриана начать отношения с матерью Вероники.

Фраза, сказанная Адрианом еще в школе на уроке истории: «История – это уверенность, которая рождается на том этапе, когда несовершенства памяти накладываются на нехватку документальных свидетельств» (Барнс 2013: 13), спустя 30 лет заставляет Тони задуматься о прожитой жизни и попытаться ее переосмыслить. Эта фраза может послужить эпиграфом к роману, потому как все, с чем мы сталкиваемся в романе, представляют собой воспоминания Тони, и мы вынуждены доверять ему, поскольку не сохранилось ни переписки Тони и Адриана, ни дневника Адриана, поскольку Вероника уничтожила его.

В своем романе автор использует прием игры. Читатель втянут в процесс игры: он пытается догадаться, домыслить, найти скрытый смысл. Автор заставляет читателя задуматься, почему мать Вероники оставила дневник Адриана Тони и почему сама Вероника не захотела отдавать этот дневник. У читателя возникает мысль, а было ли в этом дневнике что-то важное, что пролило бы свет на самоубийство Адриана и его отношения с семьей Вероники. Практически ни на один из этих вопросов читатель не получает ответа.

Жанровый и стилиевой синкретизм в постмодернистском романе Джулиана Барнса обусловлен игровым принципом. «Предчувствие конца» можно определять и как философский роман, и как психологический детектив. Роман представляет собой переосмысление своих поступков главным героем: выйдя на пенсию, Тони по-философски обдумывает прежние решения. На некоторых страницах читателю дается отдых от нравоучений, и он видит другую сторону автора – как блестящего, умного, яркого рассказчика, который одинаково владеет и юмором, и техникой детективного повествования.

Этот роман не оставит читателя равнодушным: вся книга представляет собой огромный ребус, который читателю необходимо разгадать. Но автор помогает раскрыть только часть правды, оставляя читателя размышлять о своих догадках.

Финал романа представляет собой один из главных принципов постмодернизма: более невозможно существование какой-либо единственно верной интерпретации текста, задуманной автором. Барнс предлагает читателям несколько вариантов решения вопроса о самоубийстве Адриана. С одной стороны, предлагается вариант, что Адриан испугался ответственности за ребенка, но с другой стороны, существует вариант, что Адриан сам определил свою судьбу, он совершил самоубийство в момент, когда он наиболее счастлив. Драма самоубийства не может быть выражена непосредственно, так как участник этой драмы может рассказать лишь о рождении этой драмы, а кульминация представляет собой сам факт самоубийства.

Любовь неразрывно связана с ответственностью. Любовь предусматривает готовность при разумной необходимости брать на себя трудные моменты жизни. Развитое чувство ответственности можно понимать как признак взрослости, только взрослый человек может любить по-настоящему. Адриан не смог взять на себя ответственность за свои поступки, он выбрал наиболее легкий для него путь – смерть.

Роман «Предчувствие Конца» представляет собой постмодернистский роман, вобравший в себя главные идеи философии XX столетия. Идея постмодернизма в романе выражена комбинированием

тем и жанров, и создает эффект поиска философского смысла в хаотичном мире. Философия в романе направлена на решение этической проблемы самоубийства, которая также является ответом на вопрос о том, что есть сам человек.

ЛИТЕРАТУРА

- Barnes J.* 2011. *The Sense of an Ending*. Moscow: Vintage.
Барнс Дж. 2013. Предчувствие конца. Москва: Эксмо-Пресс.
Басинский П. 2016. Предчувствие Барнса. URL: <https://rg.ru/2016/11/28/reg-cfo/dzhulian-barns-iarlyki-na-literaturu-naveshivaiut-kritiki-a-ne-pisateli.html> (2016. 28 ноября).
Булатов А. 2017. Размышления о жизни. Эссе. Москва: Издательские решения.
Витгенштейн Л. 1958. Логико-философский трактат. Москва: Издательство иностранной литературы.
Журавлев С. Постмодернизм в литературе. URL: www.proza.ru/2010/07/05/891 (2017. 01 мая).
Ницше Ф.В. 2014. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. Санкт-Петербург: ИГ Лениздат.
Сысоева Ю.Н. 2015. Формы художественной рецепции философии А. Камю в романе Дж. Барнса «Предчувствие Конца». URL: http://izvestia.vspu.ru/avtor/5683_891 (2017. 01 мая).

УДК 82

И.В. Бердникова¹, М.В. Мокина²

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СПОСОБ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. КАННИНГЕМА «НАЧИНАЕТСЯ НОЧЬ», 2010)

Аннотация. В данной статье рассматриваются психологический и философский аспекты прозы Майкла Каннингема на примере романа «Начинается Ночь» (2010). Особое внимание уделяется выражению данных аспектов через положения метамодернизма в литературе и философию экзистенциализма. Целью работы является изучение функционирования философского и психологического аспектов в романе «Начинается ночь». В ходе исследования с помощью метода сплошной выборки и контекстуального анализа было выявлено, что психологический и философский аспекты вписываются в рамки теории метамодернизма и экзистенциализма. Результаты исследования также выявляют, что автор в своем произведении затрагивает главным образом такие аспекты метамодернизма, как синкретизм – эстетический (сочетание в себе чувственного и трансцендентного) и рациональный (соединение разнополюсового настроения), а из философии экзистенциализма взята суть – поиск пути и собственного «Я», прохождение кризиса личностного развития («пороговое состояние»). Соединение положений метамодернизма и экзистенциализма дало возможность автору наиболее естественно передать прохождение этого личностного кризиса через соприкосновение со своей чувственностью и полностью раскрыть идею книги, заключенную в названии романа «Начинается ночь»: отражение переходного состояния, связанного с переживанием кризиса среднего возраста, – путешествие от молодости с большим количеством сил и возможностей к закату, когда многие возможности оказываются закрытыми навсегда.

Научная новизна и актуальность исследования заключаются в исследовании переплетения черт психологизма и положений философии экзистенциализма в романе Майкла Каннингема «Начинается ночь», а также отражения данного переплетения через такие стилистические приемы, как несобственно-прямая речь и эллиптические диалоги. Методологической основой исследования являются работы Т. Вермюлена и Р. Ван ден Аккера, Л. Тернера, В. Горюнова (метамодернизм); М. Хайдеггера, К. Ясперса, Г. Марселя, Н. А. Бердяева (экзистенциализм). Данные источники являются надежными, поскольку работы принадлежат основателям метамодернизма и экзистенциализма. Работа может быть использована в двух направлениях: филологическом и психологическом. В филологии ценность работы проявляется в возможности ее использования в лекциях, на семинарах, курсах по выбору и написании научных работ, таких как выпускные квалификационные работы и магистерские диссертации, посвященных проблемам современной английской литературы. В психологии работа может быть использована при обучении дифференциальной диагностике различных психологических состояний.

Ключевые слова: психологизм; метамодернизм; экзистенциализм; пороговое состояние; синкретизм.

Сведения об авторах: Бердникова Ирина Владимировна¹, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Омского государственного педагогического университета; Мокина Мария Викторовна², студент 5 курса кафедры иностранных языков Омского государственного педагогического университета.

Контактная информация: ¹644010, г. Омск, ул. Съездовская, д. 41, кв. 217, тел.: 89039833057, e-mail: iberdnikova@rambler.ru; ²644112, г. Омск, ул. Бульвар Архитекторов, д. 8/1, кв. 126, тел.: 89236721876, e-mail: awfulabyss@mail.ru.

**PSYCHOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS AS A WAY
OF CHARACTER'S INNER WORLD DEPICTION
(ON THE BASIS OF M. CUNNINGHAM'S NOVEL «BY NIGHTFALL», 2010)**

Abstract. The article deals with the psychological and philosophical aspects of Michael Cunningham's prose on the basis of the novel "By Nightfall" (2010). These aspects are expressed by means of principles of literary metamodernism and existential philosophy. The aim of the article is to study the functioning of philosophical and psychological aspects in the novel under the title "By Nightfall". The research was conducted by means of continuous sampling and contextual analysis methods and revealed that psychological and philosophical aspects fit into the limits of theory of metamodernism and existentialism. Furthermore, the results of the research state that the author mainly touches upon such aspects of metamodernism as syncretism – the aesthetic type (the combination of sensuality and transcendence) and the rational type (the combination of various shades of the mood) – and borrows the essence of existential philosophy i.e. the search for individual path and one's self, the overcoming of the life crisis ("liminality"). The interaction of principles of metamodernism and existentialism gave the author the opportunity to convey the struggle of the life crisis through getting in touch with one's sensuality and to fully expose the idea of the book implied in its title – "By Nightfall", the reflection of the transitional state of mind caused by the midlife crisis that is journey from youth with all its energy and opportunities to the decline when many of the opportunities are closed forever.

The scientific novelty and relevance of the work lie in the exploration of the interaction of psychological features and principles of existential philosophy in the novel "By Nightfall" by Michael Cunningham and in the reflection of this interaction with the help of such stylistic devices as free indirect speech and elliptical dialogues. The methodological basis for the study were the works of T. Vermeulen and R. van den Akker, L. Turner, V. Gorunov (metamodernism); M. Heidegger, K. Jaspers, G. Marcel, N. A. Berdyaev (existentialism). These sources were deemed reliable as the studies belong to the founders of metamodernism and existentialism. The research can be used in two directions: philosophical and psychological. The value of the paper for philosophy exhibits itself in the opportunity to resort to it in the lectures, seminars, elective courses, for writing scientific papers such as bachelor and master degree theses devoted to Modern Literature issues. In psychology the work may contribute to teaching differential diagnostics of various psychological conditions.

Key words: psychologism; metamodernism; existentialism; liminality; syncretism.

About the authors: Berdnikova Irina Vladimirovna¹, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the English language Omsk State Pedagogical University; Mokina Maria Viktorovna², 5th year student of the Department of the English language Omsk State Pedagogical University.

Психологизм как воссоздание внутренней жизни героя, всегда присутствовал в американской литературе, но был не столь распространен, ввиду социально-культурных предпосылок в виде освоения континента, войны за независимость, войны между Севером и Югом. Поэтому воспевались и выводились на первый план такие качества, как храбрость, стойкость, но не чувственность и пристальное внимание к внутреннему миру героя. Даже у таких писателей XX в., как Т. Драйзер и Э. Хемингуэй, психологизм, несмотря на то, что отражался в работах, был на втором плане после описания внешней стороны событий. Только во второй половине XX в. глубина чувств и тонкий психологизм стали проявляться в романах американских писателей, и Майкл Каннингем был одним из первых писателей, работающих в направлении психологизации американского романа.

Майкл Каннингем (1952) – писатель и сценарист, лауреат Пулитцеровской премии 1999 г. Самыми известными его романами являются «Дом на краю света» (1990), «Часы» (1998), «Избранные дни» (1995), «Начинается ночь» (2010). В своих произведениях автор придерживается контрастов: его работы звучат одновременно необработанными и продуманными до малейших деталей, в них присутствует не только описание текущих событий, но и показан поток сознания человека, наиболее точно отражающий его внутренний мир. Романы полны ссылок на современные реалии, делающие текст более осязаемым для читателя, и образных описаний внешней стороны событий, которые позволяют практически почувствовать окружающий героев мир. Поскольку писатель хорошо знаком с философией психоанализа (Bianco 2014), его четко выстроенные причинно-следственные связи в поведении героев неизменно производят впечатление правдоподобности. Одной из тем, проходящих через все романы, являются романтические чувства по отношению к людям своего пола.

Роман Каннингема «By Nightfall» («Начинается ночь» в переводе Дмитрия Веденяпина 2011 г.), содержит в себе положения метамоде́рнизма и экзистенциализма. Повествование в романе ведется от лица Питера Харриса, 44-летнего владельца художественной галереи в Нью-Йорке. Его жизнь кажется идеальной: жена Ребекка – редактор журнала об искусстве, взрослая 20-летняя дочь живет отдель-

но. Однако Питер чувствует бессцельность своего существования, ведь его карьера, приносящая деньги, зашла в тупик, и по-настоящему известным в своем деле ему уже не стать, отношения с женой превратились в дружеское партнерство, а любимая дочь звонит из далекого Бостона, только чтобы обвинить его во всех ее неудачах. Действие в книге начинается в тот момент, когда описанный быт Питера прерывается визитом Итана, или Миззи (от «mistake» – «ошибка»), – 23-летнего брата Ребекки, который не в состоянии найти свое место в жизни и злоупотребляет наркотиками. Неожиданно для себя Питер проникается симпатией к нему и задумывается о бессмысленности своей жизни, а Итан, снова принимающий наркотики, исчезает из жизни семейной пары так же внезапно, как в ней появляется.

«Начинается ночь» представляет собой метамодернистское произведение: настроение и идеи этой книги лежат на стыке модернизма и постмодернизма. Можно сказать, по своей сути, это направление-оксюморон, совмещающее вещи, в стандартном дискурсе модернизма или постмодернизма не укладываемые: здесь сочетаются просвещение и наивность, прагматика и идеализм, ирония и чувственность. В эту эпоху происходит возрождение искренности, романтизма, надежды (Turner 2015). Голландские культурологи Тимотеус Вермулен и Роберт ван ден Аккер в своем программном сочинении «Заметки о Метамодернизме» (2010) сравнивают метамодернизм с маятником, который раскачивается между бесчисленным множеством полюсов, не в состоянии остановиться в одном месте: от энтузиазма к фанатизму, от фанатизма к иронии, от иронии к апатии и снова к энтузиазму (Vermeulen, van den Akker 2010).

Основными характеристиками метамодернизма являются:

1. Рациональная синкретика – сочетание противоположностей в одном целом, метафорически описываемая как маятник, колеблющийся между различными психологическими состояниями, который не может надолго остаться ни в одном из них.

2. Эстетическая синкретика – «структура чувства», основной сутью которой является сочетание в себе чувственного и трансцендентного, то есть психологизм (Горюнов 2017).

В романе «Начинается ночь» показаны обе стороны метамодернизма – рациональная синкретика, «колебание маятника», и эстетическая синкретика – «структура чувства», психологизм, тонкое чувствование психологической атмосферы вокруг себя. Причем, по мере развития сюжета, явно виден переход от рациональных колебаний к чувственной эстетике, которая преобладает в конце книги.

Так, в самом начале повествования Питер и его жена Ребекка едут в такси на корпоративную вечеринку и оказываются в пробке из-за аварии: автомобиль сбивает лошадь. Питер и Ребекка оба печалются по поводу происходящего, однако дома после вечеринки, когда они смотрят телевизор в постели, оказывается, что уже только Питер помнит о том, что случилось, в то время как Ребекке ничто не напоминает о лошади:

“They spend ten minutes with CNN <...> nothing about the horse, but that’d be local news, if anything) <...>

“The horse is still here.”

“What?”

“The horse.”

A moment later, James Stewart and Kim Novak are in fact sitting in a vintage carriage behind a life-size plastic-or-something horse.

“I thought you meant the horse from earlier,” Peter says.

“Oh. No. Funny how these things crop up, isn’t it?” (Cunningham 2010).

Вспоминая происшествие несколько раз за вечер, герои заставляют настроение книги колебаться от искренней заинтересованности и сочувствия к мертвой лошади (Питер думает о том, что негуманно эксплуатировать лошадь для езды по асфальту, а водители не относятся к ней с должной внимательностью) к иронии (Питер в процессе разговора упоминает, что смерть лошади станет хорошим аргументом для борцов за права животных), снова к сочувствию (Питер замечает, что лошадь настолько незначительна, что о ее трагической смерти даже не сообщают по телевидению), а затем – к равнодушию (Ребекка уже не помнит о существовании лошади).

В этом маленьком повседневном моменте подчеркивается одна из главных особенностей стиля Каннингема: живые диалоги, пестрящие эллиптическими предложениями и прочими усеченными конструкциями, междометиями, разговорными словами как средством наиболее реалистичной передачи мира, в котором живут герои. Также данной сценой автор хотел показать, что люди в современном мире обеспокоены только собой и собственными проблемами. Они легко и поверхностно отзыв-

чиво реагируют на происходящее, но так же легко и забывают обо всем. Однако, показательно, что это – одна из первых сцен книги: именно главный герой, Питер, в конце сцены остается неравнодушным. Маятник метамодернизма раскачивает его эмоциональность, сентиментальность, трогает его до глубины души, подготавливая почву для дальнейших изменений: данные колебания продолжаются, вызывая все больше просыпающуюся чувственность Питера к пороговому состоянию.

Элементы теории экзистенциализма, основоположниками которой являются Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс, появляются в романе как закономерное продолжение дискурса метамодернизма: от постмодернистского мироощущения новой эпохе досталась некоторая потерянности, экзистенциальная дезориентация. И Питер Харрис – типичный герой этой новой эпохи, который в попытках найти себя открывает дверь в свой внутренний мир с помощью другого человека – Итана.

Важной особенностью книги является то, что все герои оказываются на пороге принятия решения, что проявляется в некоторой непоследовательности их действий: Итан раздумывает над тем, чем он будет заниматься в жизни; Ребекка выбирает между двумя возможностями для развития ее искусствovedческого журнала; а Питер ищет ответ на вопрос, кто он и на что он готов для достижения своих целей.

Данный тезис демонстрирует сцена между Питером и его давней знакомой Бэт, владелицей галереи, которая умирает от рака. Она просит Питера позаботиться о дальнейшем карьерном благополучии одного из ее мастеров – Руперта Гроффа. Бэт доверяет Питеру, поскольку он в отличие от других владельцев художественных галерей ищет не только выгоду для себя, но и возможности для развития своего подопечного мастера:

“I think you’re the best match for him. I’m afraid one of those giants will snatch him up and ruin him” <...> They’ll pressure him to do the work in gold, they’ll overpromote him, and in all likelihood he’ll be finished by the time he’s thirty” (Cunningham 2010).

Однако, вопреки ожиданиям коллеги, Питер очень быстро поддается на уговоры своего заместителя продать работу своего подопечного китайской чете Чен – миллиардерам, скупающим все произведения искусства без разбора. При этом автор показывает амбивалентность Питера, прямо озвучивая его мысли после разговора с Бэт:

“There’s a wry weariness in her voice – has she decided that Peter is, in the final analysis, just another one of the assholes?”

<...> He can in all likelihood sell a Groff right away, and that’s what artists need from their dealers, right? They need them to sell the work” (Cunningham 2010).

Именно здесь разворачивается проявление экзистенции Питера – его существования в мире как отдельного человека с уникальным путем развития. Питер старается поступать так, как это было свойственно ему раньше, до кризиса, однако незаметно для себя Питер стал тем, кто думает только о своей выгоде. Экзистенция Питера появляется в этой ситуации, когда он заново определяет для себя, каким он хочет быть в мире, каким он хочет, чтобы его видели другие люди: «хорошим» или наиболее реализованным.

Другая сторона метамодернистской эстетики в романе – чувственность, психологизм, структура чувства, проявляется во взаимодействии Питера с Итэном, в анализе действий других, в описании мира вокруг. Так, при каждом взаимодействии с людьми Питер подмечает малейшие изменения в голосе, в интонации, в жестах, и понимает их значение. Для примера можно привести первый разговор Питера и Итэна. Питер анализирует все свои чувства от пребывания рядом с Итэном:

“He has the Taylor presence, that thing they all do <...> That ability to... command a room. Be the person about whom others ask, Who’s that?”

<...> Mizzy grins. Okay, he’s not as self-important as he might be.

“... I sat and looked at those stones for almost a month.”

Mizzy, don’t kid a kidder. I was once a self-dramatizing young romantic, too. A month?” (Cunningham, 2010).

При воссоздании внутреннего монолога автор использует несобственно-прямую речь, как в последнем предложении: «Mizzy, don’t kid a kidder» (=Миззи, не пытайся обмануть обманщика). Это позволяет передать содержание внутреннего мира Питера, не прибегая к прямой речи и не нарушая таким образом темп повествования. Мысли Питера вплетаются в описания движений, окружающей обстановки, позволяя почувствовать, что Питер является неотъемлемой частью этого мира, таким образом: граница между внешним и внутренним миром стирается.

Именно эта чувствительность позволяет Питеру очароваться Итэном: он тонко подмечает, что молодой человек обладает внутренней свободой – в выражении эмоций, в выражении себя и своих телесных потребностей:

“Beauty – the beauty Peter craves – is this, then: a human bundle of accidental grace and doom and hope. Mizzy must have hope, he must, he wouldn’t shine like this if he were in true despair, and of course he’s young, who in this world despairs more exquisitely than the young <...> Mizzy is heedless, unashamed about declaring his love on his sister’s sofa.”(Cunningham 2010).

Именно эта чувствительность и сентиментальность, приведшая его к влюбленности, наталкивает Питера на мысль, что ему нужно что-то менять, что нынешний уклад жизни не устраивает его. Эта чувствительность проводит Питера через пороговое состояние к свободе в экзистенциальном смысле этого слова: свободе, заключающейся в выборе проявлений своего «Я» и принятии ответственности за происходящее в собственном микромире.

Этим прохождением порогового состояния и объясняется название книги «Начинается ночь» («By Nightfall»). Слово «nightfall», обозначающее сумерки или наступление ночи, является метафорой, указывающей на переходный период в жизни Питера – от юности с ее иллюзией вседозволенности и неограниченного количества времени для исполнения всех своих самых смелых мечтаний к закату, когда многие возможности уже безвозвратно исчезли и уже поздно заново определять себя и свои желания.

В «Начинается ночь» удивительным образом соединяются положения метамодернизма и экзистенциализма, дополняя друг друга и помогая наиболее детально и точно отразить переходное состояние человека. Психологизм описывает содержание сознания человека, находящегося в кризисе, малейшие его изменения и прямо называет их, что создает возможность для наиболее полного раскрытия поисков «Я» героем.

ЛИТЕРАТУРА

Bianco M. Michael Cunningham: On Writing Sex, the Creative Process, and Why New York City is (Not) for Writers//Lambda Literary. URL: <http://www.lambdaliterary.org/features/05/22/michael-cunningham-on-writing-sex-the-creative-process-and-why-new-york-city-is-not-for-writers/> (2017. 2 мая).

Cunningham M. By Nightfall. Farrar, Straus and Giroux. URL: http://royallib.com/read/Cunningham_Michael/By_Nightfall.html#0 (2017. 2 мая).

Turner L. Metamodernism: A Brief Introduction//Notes on Metamodernism. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/> (2017. 2 мая).

Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. URL: Journal of AESTHETICS&CULTURE // <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (2017. 2 мая).

Горюнов В. Метамодернизм и синкретика: попытка семантизации // Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/syncretism/> (2017. 16 янв.).

УДК 372.881.111.1

Е.А. Павлова

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Аннотация. В данной статье раскрывается понятие «творческие способности» с точки зрения педагогики, психологии и методики преподавания английского языка и подчеркивается, что иностранный язык может и должен внести свой вклад в процесс развития творческих способностей студентов, если преподаватель будет регулярно предлагать им задания, расширяющие кругозор, развивающие воображение, мышление, память, чувства и эмоции в процессе иноязычной коммуникативно-познавательной деятельности. Современный учитель отвечает за то, будет ли будущее поколение только воспроизводить блоки информации, которые они учили наизусть или они смогут находить альтернативные пути решения проблем, с которыми столкнутся в своей практической работе в той или иной сфере деятельности.

Акцент должен быть сделан на индивидуальных, дифференцированных, разноуровневых заданиях, которые бы стимулировали познавательную активность студентов, давали бы им возможность проявить свои креативные способности в ходе занятий английским языком (в аудитории или в ходе выполнения домашнего задания).

Автор приводит конкретные примеры творческих заданий, апробированных студентами 1–2 курсов отделения иностранных языков на практических занятиях в рамках таких дисциплин, как «Практика устной и

письменной речи», «Практическая грамматика», «Методика обучения и воспитания» и в ходе педагогической практики студентов в школах г. Нижневартовска. Подобные коммуникативные упражнения, безусловно, пополняют методическую «копилку» преподавателей разных видов образовательных учреждений (особенно начинающих).

Ключевые слова: креативный подход; личностно-ориентированное обучение; дифференцированные упражнения; коммуникативные задания; иноязычное общение.

Сведения об авторе: Павлова Елена Александровна, доцент кафедры лингвистики и перевода, Нижневартовского государственного университета

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 213, тел.: 8(3466)272827; e-mail: pavlova-2008nv@rambler.ru.

E.A. Pavlova

DEVELOPING STUDENTS' CREATIVE SKILLS AT ENGLISH LESSONS

Abstract. The author of the article dwells upon the notion of «creative abilities of students» from the point of view of pedagogy, psychology and methods of teaching English and stresses that a foreign language can and should contribute to development of creative abilities of students, if the teacher regularly gives them the tasks, expanding their overall outlook and developing their imagination, thinking, memory, emotions. Nowadays the teacher is responsible whether the future generation will only reproduce the blocks of information they have learnt by heart or they will be able to find alternative solutions of the problems they face in their practical work in this or that sphere.

Emphasis should be placed on individual, differentiated multilevel tasks that would stimulate cognitive activity of students, would give them the opportunity to develop their creative abilities at English lessons (in the classroom or when doing homework).

The author shares her own experience of using some creative tasks and activities carried out by the first-second year students of the department of foreign languages in the framework of such disciplines as «Oral and written speech», «Practical grammar», «Methods of teaching» and during the students' teaching practice at schools of Nizhnevartovsk. They develop students' imagination and analytical thinking, maintain their interest to the learning process. They are sure to be helpful to other teachers (especially the beginners).

Key words: creative approach; learner-centred approach; differentiated exercises; communicative activities and meaningful tasks; foreign-language communication.

About the author: Pavlova Elena Alexandrovna, Associate Professor Department of Linguistics and Translation Studies Nizhnevartovsk State University.

Одна из целей современного образования, определяемая Федеральным Государственным образовательным стандартом для высшей школы – гуманистическая направленность образования, которая проявляется в ориентации на личностно-ориентированную модель взаимодействия, развитие личности обучающегося, его творческого потенциала (Федеральный государственный образовательный стандарт для высшей школы). Многие ведущие российские психологи, педагоги и методисты считают, что современное языковое образование должно носить развивающий характер, что реально достигается, если при организации учебно-познавательной коммуникативной деятельности студентов используется **креативный подход** (от английского «create» – создавать, творить; «креативный» – применяющий много воображения и новых идей), «creative» – involving a lot of imagination and new ideas (Macmillan English dictionary 2006:327).

Иными словами, процесс глубоких перемен, происходящих сегодня в образовании, выдвигает в качестве приоритетной проблему творчества, развития креативного мышления, способствующего формированию творческого потенциала личности, отличающейся неповторимостью и оригинальностью. Основная цель современного образования – научить каждого студента мыслить. Вместо обучения путем заучивания готовых знаний и тестирования необходимо поддерживать попытки обучающихся пробовать составлять собственные сверхфразовые единства и мини тексты (в форме диалога, монолога, стихотворного текста), не боясь совершить ошибки.

Доминирующими параметрами в учении должны выступать следующие: ищу – и нахожу, думаю – и узнаю, пробую – и достигаю цели, хочу – и могу сделать самостоятельно (Титова 2006: 78).

Главный **акцент ставится** не на воспроизведение учебного материала с помощью средств наглядности, готовых речевых образцов или содержательных, вербальных опор, предлагаемых авторами учебных пособий, а на **активизацию умственной деятельности** студента – **решение** разного рода **речемыслительных задач** (объясните, посоветуйте, покритикуйте и т.д.), создание собственного продукта с учетом интересов и способностей каждого обучающегося, т.е. **личностно-деятельностный подход в обучении** и обеспечивает развитие творческого потенциала каждого студента.

Разные авторы определяют по-своему понятия «творчество», «творческая деятельность», в котором роде дополняя друг друга. Так, энциклопедический словарь дает обобщающее определение творчества: «Творчество – это деятельность, порождающая нечто качественно новое, отличающееся неповторимостью, оригинальностью и имеющее какую-либо ценность» (Большой энциклопедический словарь 2016).

Польский исследователь А. Матейко считает, что сущность творческого процесса заключается в реорганизации имеющегося опыта и формировании на его основе новых комбинаций. О.И. Мотков под творческими способностями понимает определённые индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого, которые, однако, не сводятся к наличному, имеющемуся уже у человека запасу знаний и навыков, а обуславливают лёгкость и быстроту их приобретения (Мотков 1993:27). По мнению Д.Б. Богоявленской, творчество – это высокая степень увлечённости, интеллектуальной активности, познавательной самостоятельности личности (Богоявленская 2002:121).

Таким образом, большинство психологов утверждают, что любой процесс творчества предполагает творца, а творческие способности – это умение удивляться, познавать и находить решения в нестандартных ситуациях, это способность к глубокому осознанию своего опыта и нацеленность на открытие нового.

В педагогической литературе творчество определяют как способности к созданию оригинального продукта, в процессе работы над которым самостоятельно применены усвоенные знания, умения, навыки, проявляются хотя бы в минимальном отступлении от образца индивидуальность и художество (Турик, Осипова 2009:61).

Известный ученый Л.С. Выготский признавал за всеми людьми, а не только за избранными, склонность к творчеству. Что касается современной дидактики, то одни педагоги отождествляют творческие способности с интуицией человека, другие – с интеллектом. Однако многие преподаватели могут подтвердить, что достаточно часто студенты с высоким интеллектом (у кого хорошая память, развитое логическое мышление, широкий общий кругозор благодаря любви к книгам, энциклопедиям) имеют низкие творческие способности. Они могут воспроизводить достаточно большие куски заученной наизусть полезной и интересной информации на иностранном языке, знают формулы построения предложений разного коммуникативного типа (утвердительные, отрицательные, вопросительные) и правила словообразования. Но им не хватает богатого воображения, фантазии в восприятии неоднозначных вещей, развитой интуиции и оригинальности в решении проблемных вопросов открытого типа, в выдвижении новых идей и создании собственного продукта, гибкости мышления и действий, а порой терпения и усидчивости, необходимых в процессе творчества.

Если рассматривать поведение обучающихся с точки зрения методики, то в их деятельности можно выделить два основных типа. Первый из них называют воспроизводящим или репродуктивным (Колесникова, Долгина 2001:108). Этот вид деятельности тесно связан с памятью и его сущность заключается в том, что студент воспроизводит или повторяет уже ранее созданные и выработанные приемы поведения и действия. Например, при пересказе текста некоторые студенты просто заучивают готовые фразы из текста-образца и воспроизводят их ради отметки, даже на зачете и экзамене (нулевое преобразование текста-оригинала). Они с трудом могут передать содержание текста своими словами (что предполагает сжатие текста или, наоборот, расширение какой-то идеи), выделить главную проблему, поднимаемую автором, т.е. недостаточно развита стратегическая, дискурсивная компетенция (Соловова 2008:9).

Кроме репродуктивной деятельности в поведении обучающихся должна быть обязательно творческая деятельность, результатом которой является не воспроизведение бывших в его опыте впечатлений или действий, а создание новых образов или действий. У кого-то из студентов уже достаточно богатое воображение и они без особого труда могут фантазировать, придумывая что-то необычное, другие же, наоборот, испытывают большие затруднения или растерянность и эмоциональное напряжение, если им предлагают задания творческого характера, а не репродуктивного – написать эссе-рассуждение (показав полярные точки зрения на одну проблему), статью для блога, скетч, перекодировать информацию из текста-оригинала и представить ее, например, в виде таблицы, схемы, «пирамиды», «рыбного скелета», что предполагает поиск причинно-следственных связей.

Чтобы вырастить личность-индивидуальность, с творческим мышлением создателя, а не ограниченным мышлением потребителя, необходимо, чтобы творческий подход постоянно реализовывался на практических занятиях языком и в ходе выполнения домашнего задания.

Задача преподавателя – предлагать такие индивидуальные, дифференцированные задания, которые давали бы студентам возможность проявить свои способности в ходе занятий английским языком. Однако творческие проекты не должны быть частыми, обязательными и принудительными, только тогда они будут носить положительную эмоциональную окраску и стимулировать познавательную активность студентов.

К креативным приемам работы можно смело отнести следующие:

- литературные переводы стихов, рассказов и сказок (с русского на английский и с английского на русский язык);
- интерпретацию мудрых изречений и афоризмов, пословиц и поговорок при обучении студентов инициативной речи;
- постановку вопросов открытого типа, исключая единственный способ их решения и обсуждение проблемных ситуаций в парах или мини группах;
- чтение аутентичных текстов и перекодирование информации (используя технологии развития критического мышления);
- проектную работу с последующим обсуждением и комментированием проделанной студентами работы и т.д.

При креативном (творческом) подходе преподаватель учит студентов самостоятельно моделировать речевые ситуации (например, придумывать продолжение текста или изменять его содержание при введении новых героев; подбирать пословицы, характеризующие поступки героев; сравнивать литературную и видео версию какого-то сюжета; придумывать загадки; оформлять коллажи и создавать слайдовые презентации; составлять рекламные объявления и проспекты; писать эссе и т.д.).

Приведу примеры некоторых творческих заданий, выполненных студентами 1-2 курса отделения иностранных языков Нижневартковского государственного университета в рамках таких дисциплин, как «Практика устной и письменной речи», «Практическая грамматика», «Методика обучения и воспитания».

1. работа с поэтическими текстами

Так, при изучении лексической темы ‘Family Ties’ студентам 1 курса было предложено стихотворение – оригинал на английском языке:

My Family

My mum is like a bee
Because she's as busy as she can be.
My dad is like an ox
Because he's strong and he can box.
My sis is like a mouse
Because she's quiet in the house.
My granny is like a snail
Because she's slow and can't send an e-mail.
But I am like a mule
Because I'm stubborn but really cool! (Ваулина и др. 2006:63).

Как будущие переводчики, некоторые первокурсники ***попытались предложить свой литературный перевод поэтического текста с английского языка на русский:***

Моя мама как пчела –
Ну, постоянно занята!
А отец мой впрямь как бык –
Такой же сильный и любому зарядит.
Моя сестра похожа на мышь,
Когда она дома, всегда тишь.
Бабуля моя на улитку походит,
Все делает медленно и в е-мейлах не профи.
Но, что же я? А я как мул –
Ужасно упрям и в этом крут!

(Елена Б.)

Другие студенты, используя модель приведенного стихотворения, **придумали собственные стихи со сравнительным оборотом as ..... as**, чтобы описать членов своей семьи:

My mum is as merry as a cricket,
She always talks and is good at it.
My dad is like a lion,
Because he's brave and fine.
My sis is like a fox,
Because she's sly and chatter-box.
My brother is like a wolf,
Because he's greedy and aloof.
But I am as playful as a kitten,
Because I like dances of fast rhythm.
(Шахла Н.)

My mum is as busy as a bee,
Because she is a teacher-lady.
My dad is as strong as a horse,
It's he who does all household chores.
My sister is as slow as a snail,
Quickly she can send only an e-mail.
My son is as sly as a fox,
He puts all things only in his box.
My husband is as loyal as a dog,
He's always ready with me to have a talk.
(Кира М.)

2. **написание эссе «Что в имени моем?»**

Это творческое задание предполагало **расспросить родителей, почему они выбрали такое имя дочери или сыну**, найти информацию в справочниках и энциклопедиях о том, что означают их имена и согласиться с авторами этих книг или опровергнуть некоторые предположения астрологов и предсказателей. Образец такого эссе:

As my parents say it was rather difficult for them to choose a suitable name for me. At first father wanted to call me Svetlana after his beloved mother. But my mother was against it. She thought that this name didn't sound well with my patronymic. Then they couldn't decide between Polina and Alyona. As for father, he didn't like the last name at all (it reminded him of a bar of chocolate). Finally, it was my elder sister's idea to call me Katya. The matter was that her favourite fair-haired blue-eyed doll was Katya. It may sound a bit strange, but my parents agreed with Tatyana, so it was my sister who gave me such a name – Ekaterina.

It is Greek by origin. It's very popular in our country and abroad, though it may be pronounced differently: Kate, Catherine, Katyusha, Katrene, Ekaterina, etc. I'm sure that I know more than 20 girls and women with such a name. A lot of well-known people were named Ekaterina: Queen Ekaterina the second, Ekaterina Gordeyeva – an outstanding figure-skater, Ekaterina Shavrina – a famous singer, Ekaterina Strizhenova – a popular TV announcer.

Ekaterina means 'Clean'. They say that 'Spring Ekaterina' (by the way, I was born on the 7th of May) has an irresolute character. She can't take right decisions by herself, that's why a woman with such a name must have a strong-willed, purposeful husband who will help her to feel confident.

I wouldn't say that I'm greedy (as they point out). On the contrary, I'm kind-hearted and I'm always ready to share everything I have with my close friends and relatives.

When I get married, I would like to have one child. If I give birth to a girl, I'll call her Miloslava. It really sounds attractive and romantic. If my first-born is a son, I want him to be Michael after my grandfather on my mother's side. He was a reliable man with a big kind heart. I hope my son will be the very image of my grandfather.

(by Ekaterina B.)

3. **составление Книги Рекордов Гиннеса**

Изучение грамматического материала: запоминание правил и формул, выполнение тренировочных упражнений всегда вызывает быстрое утомление у студентов-первокурсников на занятиях по дисциплине «Практическая грамматика». Однако при повторении грамматической **темы «Степени сравнения прилагательных»** они проявили фантазию и **составили свою Книгу Рекордов Гиннеса**, оформив ее в виде коллажа с фотографиями и дружескими шаржами (неожиданно подчеркнув некоторые отличительные черты своих однокурсников):

– Mary has *the most unusual hobby* for a girl – she is keen on football and never misses football matches on TV.

– Karina is *the most creative person* in the group. She is always full of ideas and surprises. Moreover, she is learning Japanese – *the most difficult language in the world!*

– Dasha is *the most punctual student*. She is never late for classes. She is left-handed, by the way, but her handwriting is *much better* in comparison with other students.

– Juliya is *the most artistic girl*. She is clever with her hands and *can draw and paint nicer than anyone else*. Etc.

4. *заполнение досье на английские артикли*

Преподаватель предложил креативное задание *и при обобщении темы «Английские артикли»*, поскольку это грамматическое явление отсутствует в русском языке и традиционно является наиболее трудным разделом английской грамматики для всех студентов без исключения. На завершающем этапе (когда были рассмотрены все случаи употребления артиклей с разными семантическими группами имен существительных) студенты разбились на две группы и, взяв за основу идею Р. Роуз (Роуз 1994:258), *провели «Судебное разбирательство» над артиклями ‘a/ an’ и ‘the’* (нетрадиционная форма занятия), составили их коллективный портрет – досье (Павлова 2012:28). Получились достаточно необычные и занимательные презентации:

Имя: Артикль – Article

Фамилия: Неопределенный – The Indefinite

Происхождение: *происходит от слова «один» (one)*, используется, когда слушатель не знает, о чем идет речь, когда предмет (лицо) упоминается впервые

Род занятий: везде и всегда сопровождает исчисляемые существительные в единственном числе; хотя на русский язык совсем не переводится, но означает «некий», «любой», «один из многих», «какой-то», «один», например: a book – какая-то книга, a picture – одна картинка, a dog – некая собака;

Основные черты характера: *не постоянный, двуличный* – перед существительными, начинающимися с согласных ведет себя спокойно, обычно: a flower, a house, a banana; но *легко поддается влиянию существительных, начинающихся с гласных* – становится неузнаваемым, пытается выдавать себя за другого: an elephant, an apricot, an interview, Одним словом, *к гласным неравнодушен. Ленивый* – умеет считать только до одного, поэтому иногда заменяет числительное «один»: a boy = one boy, a bag = one bag;

Не дружит с существительными, которые нельзя сосчитать, например: love, kindness, courage, friendship, snow, sugar, water, flour, plastic; *панически боится многих имен собственных* и, увидев их издали, немедленно исчезает, например: Moscow, Russia, Elizabeth, Mr Watson. *Чувствует себя уверенно, если рядом с ним верные, надежные друзья*–грамматические структуры I am a ..., She is a ..., He is a ..., I have a ..., She has a ..., He has a ..., I see a ..., This is a ..., That is a ..., It is a ..., There is a ...;

Отношение к старшему брату – артиклю определенному: уважает его, никогда не спорит и ни за что не встанет рядом с братом перед одним и тем же словом, охотно уступает ему свое место перед существительным, если оно упоминается во второй раз: This is a cat. The cat is black;

Основная слабость: без слова-существительного в единственном числе жизнь для артикля неопределенного теряет всякий смысл;

5. *работа с пословицами*

Студенты второго курса предложили одногруппникам *найти пословицы-оригиналы*, которые вошли в состав составленных ими «мудрых изречений» и *предложить жизненные ситуации*, которые можно было бы закончить одной из «разгаданных» пословиц:

Beauty is money.

East or West – tastes differ.

Better late than out of mind.

Forbidden fruit is the root of all devils.

Curiosity killed the brave.

So many men make the head bald.

(Яна К.)

6. *составление загадок о достопримечательностях в англоговорящих странах*

Некоторые студенты 2 курса пробуют писать стихи на английском языке, поэтому одним из заданий при подготовке к семинарскому занятию по курсу «Методика обучения и воспитания» было придумать стихотворные рифмы – загадки об интересных местах в столицах США и Англии:

Places of interest in the USA and the UK

People there don't waste time, they neither play nor drink there wine.

Making laws is job for them, those people are congressmen.

(The Capitol)

It's a present from the French, it's the best an eye can catch!

In the harbour can be seen – woman's Statue – big and green.

(The Statue of Liberty)

A stream of life, which runs so quickly would never dare to miss this place:

Six streets meet one another freely in front of a lovely childish face.

(Piccadilly Circus)

Imagine a bridge between two rivers, and mind those rivers are world-known.

Imagine the memory of heroes and make your paper flowers blow.

(Whitehall)

Студенты потом удачно использовали предложенные рифмованные тексты во время педагогической практики для контроля навыков восприятия иноязычной речи на слух в качестве разминки в начале урока (при проверке домашней работы, когда старшеклассники дома самостоятельно читали тексты об известных во всем мире достопримечательностях).

7. составление рекламных проспектов, плакатов

После обсуждения профиограммы учителя английского языка на методике преподавания (на русском языке) и знакомства с тематической лексикой по практике речи (на английском языке) *на завершающем этапе изучения темы «Моя будущая профессия»* на 2м курсе итоговым творческим заданием для студентов стало *создание обобщающего образа учителя английского языка*. Работая автономно, студенты попытались представить лучшие качества идеального, на их взгляд, учителя иностранного языка (от А до Z). Вот один из лучших примеров:

The ABC about an IDEAL TEACHER

AN IDEAL TEACHER –

is **a**ctive in teaching

is a **b**usy **B**ee

is a **c**reative person, considerate towards pupils

is **d**evoted to his job, never **d**epressed

is **e**ager to work

is a **f**riend to his pupils and their parents; lights a **f**ire under his pupils

is a **g**uide; is **g**enerous to praise pupils

has a **h**eart of gold

never loses **i**nterest to his daily routine work; can't be **i**dle

can tell some **j**okes to entertain pupils when they are bored

is **k**nowledgeable

loves children and the **l**anguage he teaches

must be a **m**aster of his profession

tries to be a real **n**ative speaker; **k**nows how to **n**egotiate when some problems occur

is **o**pen-hearted

thinks **p**ositive

is highly **q**ualified

is **r**eady to give a helping hand; is **r**eliable

is always **s**miling, but on the other hand, he's rather strict

teaches not only the school subject but life itself

has an **u**nlimited number of ideas, though some of them can be crazy

is **v**igorous in exercises

is **w**itty, never feels under the **w**eather

is an extraordinary person

is always young at heart

is always **z**any (= has a good sense of humour)

(Ирина К.)

Воспользовавшись идеей Григория Остера (автора популярных книг для детей) студенты *попытались сформулировать «Вредные советы начинающим учителям»:*

Five pieces of bad advice for an English teacher

If your children at a lesson
Speak too loudly and make noise
Mind, it can be simply lessen
Calm them down, raise your voice!
During breaks, please, don't be lazy
Wasting time while reading books.
Show them that you can be crazy
Dance in a hall ignoring looks.

When you speak about Britain,
As of a place to have a rest
Mind, no matter what is written
Russia must be called 'the best'.
If your pupil likes foul cheating,
Knowing he has gone too far,
Don't invent some special treating
Leave the things just as they are.

Learning some new words like 'pig'
Give them more than 10 at once,
Memory of youth is big (one)
Never ignore it, use this chance!

(Юлия Б.)

Итак, чтобы увлечь студентов изучением английского языка, вызвать интерес к будущей педагогической деятельности нужно дать им простор для творчества, чаще предлагать такие задания и ситуации, которые бы заставляли их думать, «ломать голову», работать творчески (используя свой жизненный опыт и воображение). Другими словами – способствовали бы появлению у них состояния интеллектуального затруднения и чувства неудовлетворенности имеющимися представлениями и знаниями (Титова 2006:117).

Интересным бывает то, что увлекает, воздействуя на эмоционально-оценочную сферу деятельности, не вызывает скуки. Лучший способ сделать уроки английского языка занимательными – активно использовать творческие задания и упражнения, интеллектуально-поисковые задачи. У думающего, творчески работающего преподавателя всегда есть возможность уточнить или переформулировать задание учебника с тем, чтобы оно в большей степени мотивировало обучаемых к активной познавательной и мыслительной деятельности.

Интеллектуальное развитие студентов – важнейшая сторона подготовки будущих учителей, одна из задач, предписанных ФГОС третьего поколения (Федеральный государственный образовательный стандарт для высшей школы). От умения преподавателя организовать систематическую познавательную деятельность обучаемых на аудиторных занятиях английским языком зависит степень их интереса к изучению иностранного языка в целом, готовность к дальнейшему постоянному самообразованию.

При креативном подходе в обучении, при проблемно-поисковой организации практических занятий языком создаются такие условия, которые побуждают студентов самостоятельно искать, анализировать, сопоставлять и обобщать необходимую информацию на иностранном языке, порождая собственные устно-речевые высказывания в рамках изучаемых тем.

Реализация креативного подхода придает процессу обучения характер творческой дидактической среды, в которой усиливается речемыслительная активность студентов, имеет место проявление их критического и рефлексивного мышления, в контексте обучения ИЯ способствует повышению уровня мотивации студентов к изучению языка в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ИЯ – иностранный язык

ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт

ЛИТЕРАТУРА

- Богоявленская Д.Б.* 2002. Психология творческих способностей: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Издательский Центр «Академия».
- Большой энциклопедический словарь. URL: http://gufo.me/content_bes/tvorchestvo-61341.html (2017. 23 апр.).
- Ваулина Ю.Е., Дули Дж., Подоляко О.Е., Эванс В.* 2006. Английский в фокусе: учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений. Москва: Express Publishing; Просвещение.
- Колесникова И.Л., Долгина О.А.* 2001. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. Санкт-Петербург: Блиц, Cambridge University Press.
- Мотков О.И.* 1993. Психология самопознания личности. Практическое пособие. Москва: Треугольник.
- Павлова Е.А.* 2012. The Definite Article // Иностранные языки в школе 6, 27-29.
- Рона Роуз* 1994. Английский язык для малышей и родителей. Самоучитель для детей: В 2 кн. – Харьков: Прапор.
- Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. URL: <http://nashol.com/2014092879912/metodika-obucheniya-inostrannim-yazikam-bazovii-kurs-lekcii-solovova-e-n-2006.html> (2017. 4 мая).
- Титова С.В.* 2006. Смыслообразующее обучение. Санкт-Петербург: Питер.
- Турик Л.А., Осипова Н.А.* 2009. Педагогические технологии в теории и практике: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Федеральный государственный образовательный стандарт для высшей школы. URL: http://www.akvobr.ru/fgos_dla_vysshei_shkoly.html (2017. 28 апр.).
- Macmillan English dictionary for advanced learners. 2006. International student edition. Oxford: Macmillan Publishers Limited.

УДК 378.146: 811.161.1

С.И. Щербина

ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Аннотация. В статье делается вывод, что при обращении к тестированию как педагогическому инструментарию следует помнить о том, что на сегодня отсутствует как таковое нормативно-правовое регулирование использования оценочных методик и программ в реальной образовательной практике, хотя в российской педагогике и образовании накоплен значительный теоретический и практический материал по проблемам тестирования.

На современном этапе развития школы перед педагогами-практиками и учеными стоит важная, трудоемкая и вместе с тем увлекательная работа по решению главной цели тестирования – «созданию единой технологии, процедур и инструментария для объективной и достоверной оценки учебных достижений обучающихся». И нет сомнения в том, что педагогическая наука стандартизирует на государственном уровне процесс тестирования в образовательных учреждениях России.

Определена сущность педагогического тестирования, рассмотрены его функции, описаны критерии качества тестов, выявлены положительные и отрицательные стороны тестирования, дана характеристика разных видов тестов, используемых на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи».

Ключевые слова: контроль и оценка знаний, тестирование, функции и виды тестов, критерии качества, русский язык и культура речи.

Сведения об авторе: Щербина Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им.К.А. Тимирязева.

Контактная информация: 127550, г. Москва, ул. Тимирязевский проезд, д. 2, ауд. 354; тел.: 8(499)9760016; e-mail: qerbina@mail.ru.

S.I. Shcherbina

TESTING AS A PEDAGOGICAL TOOL

Abstract. The article concludes that when referring to testing as a pedagogical toolkit, it should be remembered that for today there is no normative and legal regulation of the use of evaluation methods and programs in real educational practice, although considerable theoretical and practical material is accumulated in Russian pedagogy and education. On the problems of testing.

At the present stage of the development of the school, practical teachers and scientists are faced with an important, laborious and at the same time fascinating work to solve the main goal of testing – «creating a unified technology, procedures and tools for an objective and reliable assessment of students' learning achievements.» And there is no doubt that pedagogical science standardizes on the state level the testing process in Russian educational institutions.

The nature of pedagogical testing is determined, its functions are considered the quality criteria of the tests are described the positive and negative aspects of testing are revealed, the features of different types of tests that are used in the classroom for discipline «Russian language and speech» are characterized.

Key words: monitoring and evaluation of the knowledge, testing, functions and types of tests, quality criteria, the Russian language and speech.

About the author: Shcherbina Sergei Ivanovic, Doctor of Philology, Professor Department of Russian Language and Culture of Speech, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy.

В настоящее время наблюдается активное использование такого инструментария за контролем знаний, качеств, свойств личности, как тестирование. Тестируются школьники, студенты, учащиеся различных курсов, работники производственной и непроизводственной сферы. Это и понятно: развитие рыночных механизмов настоятельно требуют внедрения современных технологий оценки индивида с точки зрения уровня его компетенций (знаний и умений в конкретной предметной области или производстве), выявления его интеллектуальных способностей и возможностей в настоящей или потенциальной деятельности (Анастаси, Урбина 2001: 7–9; Николаев, Сулова 2010: 3–4). Прежде чем обратиться к примерам тестовых заданий и тестов, используемых на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» в РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева, обратимся к теории вопроса.

Из достаточно широкого перечня исследований, посвященных проблемам тестирования в образовательной системе, выделим, в частности, работы С.В. Аванесова и В.П. Симонова, позволяющие обеспечить некий исходный «каркас» для создания эффективных тестирующих (оценочных) программ как для общеобразовательных, так и профессиональных образовательных учреждений (Аванесов 2004; Аванесов 2005; Симонов 2006; Симонов 2010).

Педагогический тест – это инструмент, предназначенный для измерения обученности учащегося, который состоит из системы тестовых заданий, стандартизированной процедуры проведения, обработки и анализа результатов.

Тестирование в учебном процессе выполняет три взаимосвязанные функции: диагностическую, обучающую и воспитательную. *Диагностическая* функция заключается в выявлении уровня знаний, умений и навыков учащихся (студентов). Это основная и самая очевидная функция тестирования. По объективности, широте и скорости диагностирования тестирование превосходит все остальные формы контроля за знаниями учащихся. *Обучающая* функция тестирования призвана побудить учащегося активизировать работу по усвоению учебного материала. Для усиления обучающей функции тестирования могут быть использованы дополнительные меры стимулирования обучающихся: раздача преподавателем примерного перечня вопросов для самостоятельной подготовки, наличие в самом тесте наводящих вопросов, совместный разбор результатов теста. *Воспитательная* функция связана, в частности, с неизбежностью тестового контроля, что дисциплинирует, организует и направляет деятельность учащихся, способствует мотивации учебно-познавательной деятельности обучающихся, формирует стремление развить свои способности и т.д.

В соответствии с исследованиями ряда авторов, тест должен состоять из заданий, правил их применения, оценок за выполнение каждого задания и рекомендации по интерпретации тестовых результатов. Целостность теста проявляется во взаимосвязи заданий, включенных в него. Ни одно из заданий не может быть изъято из теста без ущерба для него. Структура теста проявляется в способе связи заданий между собой.

Одним из ключевых критериев, предъявляемым к тестам, является *критерий качества содержания* тестовых заданий (критерий состава теста). Его суть заключается в том, что содержательная часть теста должна быть направлена на контроль степени усвоения теоретических знаний (чаще всего в рамках одной темы) на уровне запоминания / понимания или на контроль практических умений и навыков на уровне элементарных умений и навыков. (В скобках оговоримся, что поскольку творческий уровень проверить с помощью тестирования практически невозможно, преподавателю в этом случае рекомендуется использовать традиционные формы контроля в виде письменных работ). Очевидно, что содержательная часть теста не должна включать неверные понятия, так называемые «ла-

бораторные» термины и т.п., чтобы исключить нарушение принципа научности обучения, неотъемлемым компонентом которого является проверка знаний.

Не менее значимым является и *критерий соответствия* теста *требованиям образовательного стандарта* по дисциплине. Образовательные стандарты ориентированы на минимальный уровень знания, умений и навыков обучающихся, поэтому в тест, отмечают исследователи, наряду с основной частью целесообразно включать вариативную, более сложную, которая позволяет выявить уровень знаний по дисциплине у наиболее подготовленных тестируемых. Содержание вариативной части, согласно наблюдениям педагогов-практиков, должно составлять примерно 15–30 % общего объема теста.

Существенным является *критерий общедоступности теста*, который предполагает, что испытуемым понятно, какую деятельность они выполняют при тестировании, какие знания необходимо продемонстрировать и в каком объеме. Требование простоты теста может быть расшифровано, как необходимость иметь в тесте четкую и прямолинейную формулировку задания на деятельность. Для этого каждое задание теста нужно ограничить одной задачей определенного уровня.

Обычно рассматриваемый критерий излагается в инструкции. Инструкция составляется один раз, если все задания сформулированы в одной форме и предполагают выявить одноуровневые знания; если же в тесте имеются задания разных форм, то инструкция пишется согласно требованиям конкретной формы задания.

Завершает перечень ведущих требований к тестам *критерий однозначности*. Этот критерий означает, что качество выполнения теста должно оцениваться одинаково различными преподавателями. А, стало быть, разработка теста не заканчивается формулировкой задания на деятельность, а обязательно предполагает создание эталона, определяющего систему измерения и оценки качества деятельности, выполненной испытуемым по тесту.

В качестве критерия оценки тестовых результатов служит *валидность теста* (от англ. validate – 'объявлять действительным', 'подтверждать'). Оценка валидности теста может быть осуществлена путем теоретического анализа и экспериментально. Экспериментальная доказательность теста, направленная на фиксацию выполнения каждой его операции, является не вполне удобной и корректной. Теоретическая оценка валидности теста основывается на нескольких условиях: 1) *валидность относительно задач тестирования* (Например, тест может быть валиден для измерения интеллектуальных способностей и не валиден для проверки знаний. И наоборот: если тест создавался для проверки уровня знаний, то результаты по нему не могут быть интерпретированы как мера интеллектуального развития испытуемых. Результаты подобного истолкования невалидны изначально, по цели создания теста); 2) *валидность относительно содержания*, требующая демонстрации того, что тестовые задания отражают ключевые вопросы данного курса, не противоречат научным положениям дисциплины; 3) *валидность относительно конструктов*, которая предполагает сбалансированность так называемых «легких», «средних» заданий (проверка показателя «знания») и «трудных» заданий (проверка показателя «умения и навыки»; сбалансированность заданий важна в случае, если тестирование предполагает оценить знания учащихся во всем диапазоне); 4) *валидность относительно условий тестирования и интерпретации результатов*. Если тестирование протекает с нарушением правил (неодинаковое для всех время тестирования, различия в инструкциях, помощь отдельным испытуемым), то обработка таких нестандартных результатов не может быть названа адекватной по условиям сбора данных.

Анализ гносеологических условий валидности тестов и методических требований, предъявляемых к тестированию, позволил педагогам-дидактам сформулировать *принципы*, которым должен отвечать качественный тест, а именно: 1) тест должен соответствовать целям тестирования; 2) тест должен устанавливать значимость проверяемых знаний в общей системе знаний; 3) тест должен демонстрировать взаимосвязь содержания и формы; 4) тест должен содержать задания, не противоречащие научным положениям дисциплины; 5) тест должен отвечать уровню современного состояния предметной области знания и педагогической науки; 6) содержание теста должно быть комплексным и сбалансированным; 7) тест должен однозначно оцениваться (Чельшкова 2002: 54).

Тестирование, как уже отмечалось, наряду с традиционными формами контроля знаний, стало важной составляющей современного учебного процесса, обнаруживая в известной степени элементы психологии сотрудничества на фоне управленческой конфронтации при традиционной проверке знаний обучающихся. Очевидно, что и тестирование имеет как свои достоинства, так и недостатки.

К числу *преимуществ* тестирования как педагогического инструментария для контроля и оценки необходимо отнести следующие:

Укажите ряд слов с неправильным ударением:

- 1) атле'т, инже'не'ры, добы'ча
- 2) ку'хонный, хода'тайство, докуме'нт
- 3) диало'г, завро'женный, ми'зерный
- 4) новорожде'нный, подро'стко'вый, балова'ть.
- в) Задание с несколькими правильными ответами

Выберите ряд слов, имеющих равноправный вариант ударения:

- 1) ба'ржа – баржа'
- 2) бижуге'рия – бижутери'я
- 3) творо'г – тво'рог
- 4) подро'стковый – подро'стко'вый.
- г) Задание с несколькими неправильными ответами

Отметьте неверные окончания имен существительных в именительном падеже множественного числа:

- 1) доктора, профессора, тополи
- 2) бухгалтера, шофера, лектора
- 3) торты, выборы, сорта
- 4) округа, кители, гербы.
- д) Задание в форме вопроса

Как называется избыток свистящих, создающих неблагозвучие в предложении: «Самое высокое мастерство артиста не спасёт сценария, но смелый режиссёр сможет спасти слабых актёров, исключив при монтаже слабо сыгранные сцены»?

- 1) анафора
- 2) смежная анафора
- 3) аллитерация
- 4) эпифора

Основной недостаток этой разновидности тестов («закрытого» типа) заключается в том, что наличие ответов в содержательной части увеличивает вероятность угадывания правильного ответа. Хотя с другой стороны, это позволяет компоновать из одного тестового задания несколько заданий (фасетный принцип), что является известным плюсом. Но самый главный «порок» подобных тестовых заданий, считают исследователи, связан с тем, что они позволяют – в оптимальном случае – проверить только уровень запоминания материала тестируемым (уровень различения, распознавания материала).

В тестах с заданиями «открытого» типа не используются готовые варианты ответов – тестируемому необходимо самостоятельно дать правильный ответ. Такие задания могут иметь форму вопроса, предлагать исключить лишнее, дописать недостающее и т.д. К тестам этого типа предъявляется одно главное требование: задания, рассчитанные на проверку знания, не должны быть составлены так, чтобы на них можно было ответить правильно на основе интуиции.

Например:

- а) Задание в императивной форме

Данные слова, согласно нормам орфографии, выпишите в три колонки.

Д...мовой, сг...реть, тор...з, ст...рожить, соч...тание, ун...кальный, огл...сить, бл...стеть, ярм...рка, разг...дать, расст...латься, к...ридор, в...ртуоз, покл...ниться, оз...реть, к...саться, об...щение, просл...влять, абс...лютный.

Слова с проверяемыми безударными гласными	Слова с чередующимися гласными	Слова с непроверяемыми гласными

Задания подобного типа позволяют проследить репродуктивный уровень применения теоретических познаний на практике.

- б) Задание в форме вопроса

Какие выразительные средства языка использованы в указанных фрагментах художественных текстов?

- 1) Шутила зрелость, пела юность. (А. Твардовский) – _____
- 2) Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,

- Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои. (Н. Некрасов) – _____
- 3) Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись. (С. Есенин) – _____
- 4) Полюбил ученый – глупую,
Полюбил румяный – бледную. (М. Цветаева) – _____
- 5) И ей так весело грустить,
Такой нарядно обнаженной. (А. Ахматова) – _____

Ответы на подобный тип заданий предполагают не механическое воспроизведение материала, а демонстрацию элементарных навыков и умений.

- в) Задание на установление правильной последовательности

Укажите последовательность, в которой должны следовать предложения, чтобы получился текст. Ответ запишите в скобках (1, ...).

(1) Татьяна Самойлова – единственная русская актриса, удостоенная «Золотой пальмовой ветви», которая ежегодно присуждается Каннским кинофестивалем выдающимся актерам и режиссерам. (2) Вот и пойми после этого, что такое демократия.... (3) Удачная работа Татьяны Самойловой была отмечена и специальной премией «Апельсиновое дерево», которой номинируются актрисы за лучшую женскую роль. (4) Этот Гран-при был вручен творческой группе в 1958 г. за фильм «Летят журавли» по пьесе Виктора Розова «Вечно живые», в котором актриса сыграла роль Вероники. (5) И он не ошибся: после триумфа в Каннах она снималась в Венгрии, Италии и Франции. (6) Великий художник Пабло Пикассо, взглядевшись в прекрасное лицо актрисы, сказал ей: «Уверен, вы не будете богатой, но вы станете звездой». (7) А вот в Голливуде сняться не пришлось – тогдашний председатель Госкино, некий Давыдов, запретил играть советской актрисе Анну Каренину в американской экранизации; и страдала Самойлова не из-за того, что не складываются отношения со всемирной фабрикой грез: тоска была потому, что очень хотелось играть вместе с великим французским актером Жераром Филиппом. (8) Но образ Анны Карениной – поистине русский, трогательный и пленительный – она воплотила в фильме Александра Зархи. (9) «Анна Каренина» была восторженно принята советскими и зарубежными зрителями, а жюри Каннского фестиваля в 1968 г. именовало ее не иначе, как «Анна навсегда», но награды не вручило: зарубежные деятели кино испугались давления США, вступивших в очередную конфронтацию с Советским Союзом, да и одной актрисе дважды вручать Гран-при сочли обидным для других кинодив....

Цель настоящего задания – формирование логического мышления, а также проверка степени понимания материала.

Что касается творческих заданий, то, как было уже отмечено, их применение в учебном процессе в рамках использования тестов проблематично. К примеру, на кафедре русского языка и культуры речи большинство предлагаемых студентам творческих заданий типа:

1) *Определите стилистическую принадлежность текста (фрагмента текста). Аргументируйте свое решение, проанализировав его лексические, морфологические, синтаксические и др. особенности;*

2) *Сопоставьте научный и официально-деловой (публицистический, разговорный и т.д.) стили, выявив сходные и специфические черты;*

3) *Составьте деловое письмо (письмо-запрос, письмо-рекламацию, письмо-извещение, гарантийное и др.); служебную (объяснительную, докладную) записку и т.п. – рассчитаны на выполнение и проверку «по старинке»...*

В заключение укажем, что достаточно значительный объем научно-теоретических и методических работ, посвященных различного рода тестам и методикам оценки, их возможностям и роли в учебно-познавательной деятельности, нередко способствует созданию впечатления об их безграничной власти и решающем значении. Однако это далеко не так.

Своего рода оболъщение, связанное с переоценкой эффективности тестов, приводит подчас к игнорированию постулата о том, что любая оценочная методика или процедура, любой оценочный инструментариум подвержены ошибкам. Необходимо избегать бездумного тестирования, не превращать тестирование в кампанейщину (Щербина, Зайцев 2016: 31, 55–57, 80–81).

Более того, при обращении к тестированию как педагогическому инструментарию следует помнить о том, что на сегодня отсутствует как таковое нормативно-правовое регулирование использования оценочных методик и программ в реальной образовательной практике, хотя в российской

педагогике и образовании накоплен значительный теоретический и практический материал по проблемам тестирования.

На современном этапе развития школы перед педагогами-практиками и учеными стоит важная, трудоемкая и вместе с тем увлекательная работа по решению главной цели тестирования – «созданию единой технологии, процедур и инструментария для объективной и достоверной оценки учебных достижений обучающихся». И нет сомнения в том, что педагогическая наука стандартизирует на государственном уровне процесс тестирования в образовательных учреждениях России.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов В.С.* 2005. Форма тестовых заданий. 2-е изд. Москва: Центр тестирования.
- Аванесов В.С.* 2004. Основы педагогической теории измерений // Педагогические измерения 1, 15–21.
- Анастаси А., Урбина С.* 2001. Психологическое тестирование. Пер. с англ. 7-е изд. Санкт-Петербург: Питер.
- Морев И.А.* 2004. Образовательные информационные технологии. Ч. 2. Педагогические измерения. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета.
- Николаев Д., Сулова Д.* 2010. Россия в Болонском процессе // Вопросы образования 1, 1–17.
- Симонов В.П.* 2006. Педагогический менеджмент. Ноу-хау в образовании. Москва: Высшее образование.
- Симонов В.П.* 2010. Моделирование и оценка качества научно-исследовательской работы в образовательных системах. Москва: УЦ «Перспектива».
- Чельшкова М.Б.* 2002. Теория и практика конструирования педагогических тестов. Москва: Логос.
- Щербина С.И., Зайцев А.А.* 2016. Русский язык и культура речи. Теория. Учебное пособие. Москва: Издательство РГАУ – МСХА.

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ